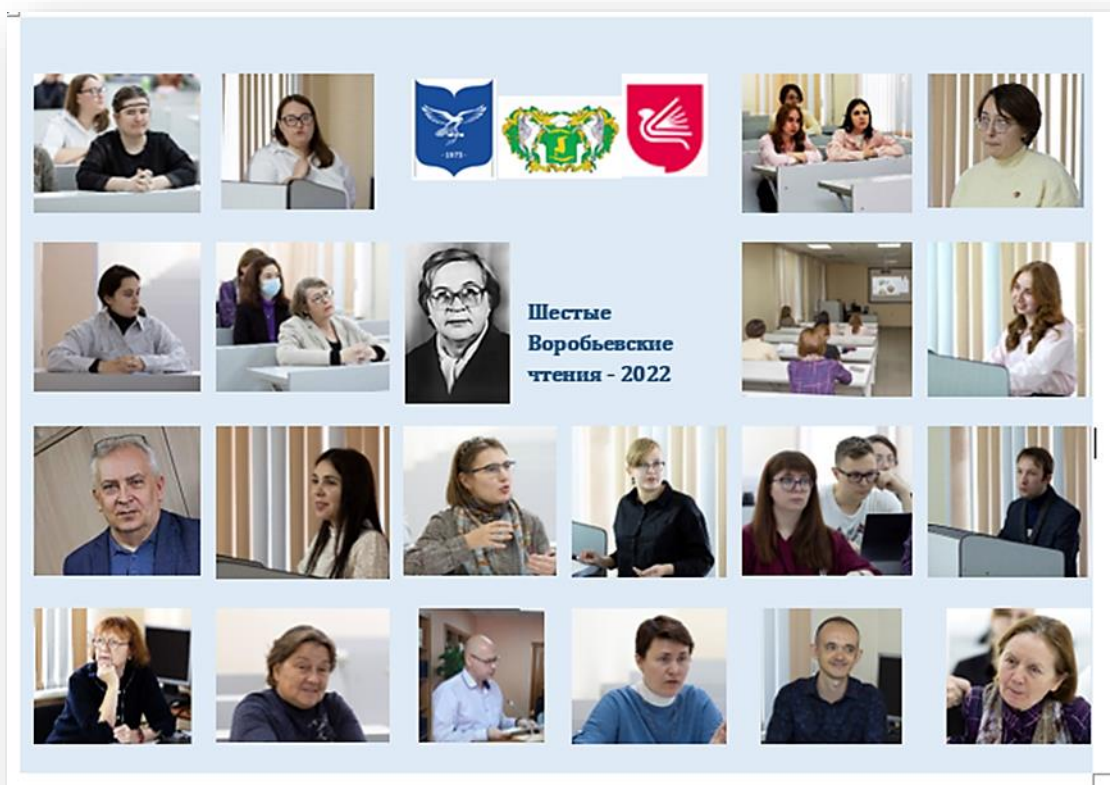

Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании

Воробьевские чтения - 2022

Выпуск 4

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет
Институт гуманитарных наук
Кафедра общей и прикладной филологии,
литературы и русского языка

Филология – ХХІ век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании

Материалы Всероссийского научно-практического семинара
кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка
«Шестые Воробьевские чтения-2022»

Сборник научных статей

Выпуск 4

Барнаул
2023

Об издании – 1, 2

Сведения об издании

УДК 800 (08)

ББК 80я431

Ф 547

Ф 547 Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании : материалы научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка «Воробьевские чтения – 2022» : сборник научных статей / Алтайский государственный университет ; под ред. Т.В. Чернышовой. – Барнаул : АлтГУ. – Вып. 4. – 2023. – 1 CD-R (3,4 Мб). – Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более ; 512 Мб (RAM) ; Microsoft Windows 7 и выше ; Adobe Reader. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Научное электронное издание

В сборнике опубликованы материалы Шестого Всероссийского научно-практического семинара «Воробьевские чтения - 2022», организованного кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета. Семинар приурочен к 93-ей годовщине со дня рождения первого заведующего кафедрой профессора Иды Александровны Воробьевой – заслуженного деятеля науки Российской Федерации, стоявшего у истоков классического филологического образования на Алтае, доктора филологических наук, основателя филологического факультета Алтайского государственного университета. В сборник вошли статьи по материалам выступлений на научно-практическом семинаре преподавателей и студентов АлтГУ (бакалавров, магистрантов, аспирантов), выпускников филологического факультета Алтайского государственного университета разных лет, а также коллег из вузов России, ближнего и дальнего зарубежья, посвященные актуальным аспектам изучения современного русского языка, литературы, методики преподавания русского языка как иностранного.

© Алтайский государственный университет, 2023

Производственно-технические сведения

Публикуется в авторской редакции

Верстка : Котова О.В.

Дата подписания к использованию : 22.07.2023

Объем издания : 3,4 Мб

Комплектация издания : 1 CD-R

Тираж : 40 дисков

ФБГОУ ВО «Алтайский государственный университет»

656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

Оглавление

Шестой Всероссийский научно-практический семинар филологов, посвященный памяти Иды Александровны Воробьевой

Раздел 1. Лингвистическая русистика

В.Н. Карпухина

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КЛЮЧЕВЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ТЕКСТАХ ДЖ. ФАУЛЗА

С.А. Осокина

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ

Д.А. Бабак

УСТОЙЧИВЫЕ ОБОРОТЫ И КЛИШИРОВАННЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ

О. Е. Николаева

МОТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.С. Товстик

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИНОПЕРЕВОДА

Чжао Цзин

КАТЕГОРИЯ РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ФЕМИНИТИВЫ: ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

А.Д. Шабалин

МЕДИАСТИЛЬ КАК МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДЕБЮТЫ

Х. Н. угли Самадов

ФУНКЦИИ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧАСТОТНОГО СЛОВАРЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Раздел 2. Литературоведение

В. В. Десятов

**ШУКШИНСКИЙ СЛОЙ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В РОМАНАХ
Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН», «ЧАГИН»**

О. Н. Краснова

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РАСКРЫТИЯ ГЛУБИННЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ОБРАЗА
ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ «БЕДНОЙ ЛИЗЫ» Н.М. КАРАМЗИНА**

О. А. Трущелева

**ФАУСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ А.В.
ЧАЯНОВА «ВЕНЕДИКТОВ ИЛИ ДОСТОПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ
ЖИЗНИ МОЕЙ»**

Д.М. Чернышова

МЕТРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОЭТА ГЕННАДИЯ ПАНОВА

Раздел 3. Литературоведческие дебюты

А. А. Горева

**ВЕЩЕСТВЕННОЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ В ЛИРИКЕ
М.Ю. ЛЕРМОНТОВА**

Раздел 4. Список публикаций кафедры общей и прикладной филологии,
литературы и русского языка за 2022 гг.

Шестой Всероссийский научно-практический семинар филологов, посвященный памяти Иды Александровны Воробьевой

30-31 октября 2022 года состоялся ежегодный Всероссийский научно-практический семинар «Шестые Воробьевские чтения: Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании», посвященный 93-й годовщине со дня

рождения доктора филологических наук профессора **Иды Александровны Воробьевой**, основателя и первого заведующего кафедрой русского языка и литературы, заслуженного деятеля науки Российской Федерации,

Семинар организован кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка института гуманитарных наук Алтайского госуниверситета. По традиции к участию в семинаре приглашаются преподаватели ИГН АлтГУ, выпускники-филологи Алтайского госуниверситета разных лет, преподаватели вузов Барнаула и других городов России, ближнего и дальнего зарубежья. В этом году гостями кафедры и участниками семинара стали исследователи Национального исследовательского Томского государственного

ПРОГРАММА

Всероссийского научно-практического семинара с международным участием

Шестые Воробьевские чтения:
«Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании»

30-31 октября 2022 года

1

университета, Профессионального колледжа Киргизского национального университета им. Ж. Баласагына Республики Киргизия; Института иностранных языков Нанькайского университета г. Тяньцзинь Китайской Народной Республики, Вэйхайского профессионального колледжа Китайской Народной Республики.

Открывая Шестые Воробьевские чтения, директор института гуманитарных наук АлтГУ, доктор искусствоведения, профессор **Лариса Ивановна Нехвядович** напомнила, что формат научно-практического семинара — это фундаментальная традиция сохранения и развития академической научной школы в стенах вуза, в частности, филологической школы, которая была в числе тех наук, с которых начинался Алтайский государственный университет.

Лариса Ивановна также подчеркнула важность сохранения нынешними филологами АлтГУ не только научной, но и мировоззренческой традиции — ценностей, у истоков которых и стояла профессор Ида Александровна Воробьева и которые реализуются в научной преемственности, направленной как на развитие заложенных ранее научных направлений, так и в формировании новых научных направлений исследования.

Далее в ходе двух научных сессий с результатами своих научных исследований выступили преподаватели и студенты.

Работу первой научной сессии открыла председатель оргкомитета, профессор АлтГУ **Татьяна Владимировна Чернышова**, представившая коллегам презентацию третьего выпуска электронного сборника «Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании». Содержание сборника составили публикации материалов пятнадцати студентов, представляющих разные направления подготовки по филологии: бакалавриат, магистратуру и аспирантуру – и семи преподавателей из разных вузов России, Монголии, Киргизии.

Затем свои научные разработки по различным направлениям русской и зарубежной лингвистики и литературоведения представили преподаватели Алтайского государственного университета. Их доклады были заслушаны собравшимися с большим вниманием и вызвали многочисленные заинтересованные вопросы. Так, доктор филол. наук, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка **Марина Павловна Гребнева** рассказала о реминисценциях и автореминисценциях в трех ранних редакциях поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон». С интереснейшим докладом о дискурсивной практике В.К. Олтаржевского в обучении языку архитектуры на продвинутом уровне (на материале альбома «Современный Вавилон») выступил кандидат филол. наук, доцент **Олег Александрович Киба** (АлтГУ, АлтГТУ им. И.И. Ползунова).

Доклад доктора филол. профессора кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков **Виктории Николаевны Карпухиной** (АлтГУ) был посвящен исследованию поликультурной идентичности ключевых персонажей Дж. Фаулза, английского писателя, романиста и эссеиста.

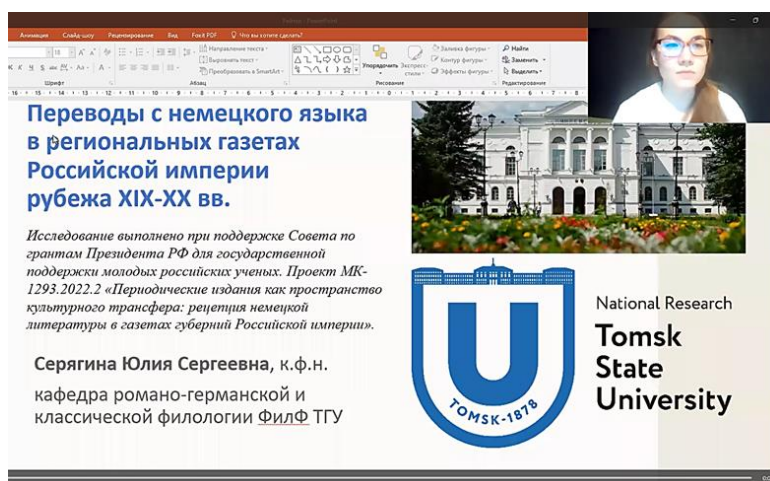
Кандидат филол. наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков **Алексей Анатольевич Мансков** (АлтГУ) рассказал о мистических предпосылках русского символизма.

наук,

Интересные доклады предложили вниманию участников семинара коллеги из Национального исследовательского Томского государственного университета.

Кандидат филол. наук, доцент кафедры романо-германской и классической филологии **Юлия Сергеевна Серягина** рассказала о научно-исследовательском проекте, посвященном изучению газет Российской империи рубежа XIX–XX вв.

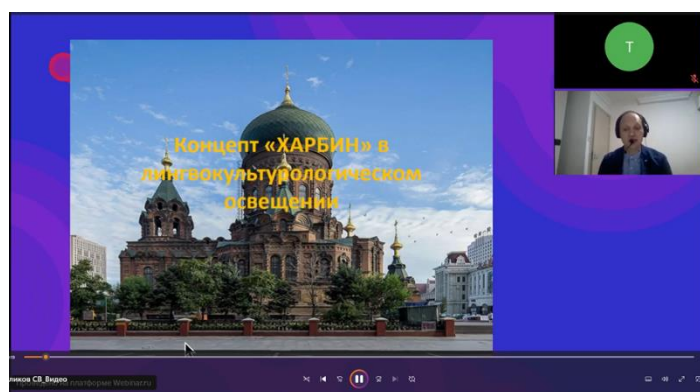

Кандидат филол. наук, ассистент той же кафедры Елена Владимировна Яркова (Масяйкина) в своем докладе обратилась к интересной для барнаульских филологов теме – исследованию творчества Г.Д. Гребенщиков как переводчика собственных текстов.

Первую научную сессию завершил доклад преподавателя Профессионального колледжа Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына Саадат Нурлановны Шерматовой, изучающей способы вербализации неречевых действий на материале произведений Ч. Айтматова.

На второй научной сессии эстафету от преподавателей приняли студенты двух кафедр – общей и прикладной филологии, литературы и русского языка и кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков. Первыми результаты своих исследований представили аспиранты 2 и 3 года обучения.

Беликов Сергей Владимирович выступил с сообщением, посвященным анализу материала, используемого для практических занятий при обучении русскому языку студентов-иностранцев (тема сообщения – «Лингвокультурологический контекст концепта «ХАРБИН»»).

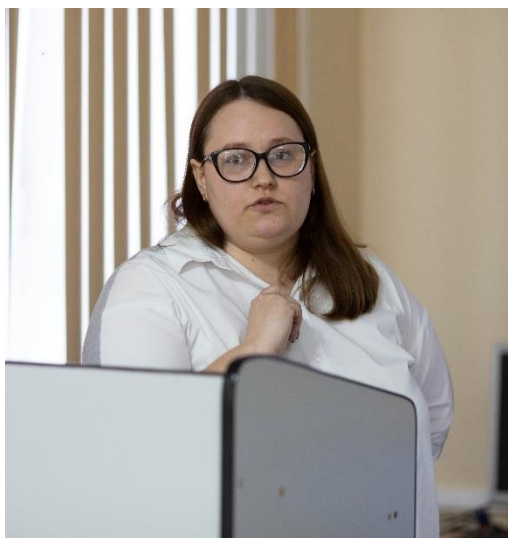

Аспирантка **Чжао Цзин** представила сообщения по теме кандидатской диссертации, объектом научного наблюдения которой является категория рода в современном русском языке, реализованная в особых лексических единицах - феминитивах (научный руководитель **Т.В. Чернышова**). Затем свои разработки по изучению неисследованных страниц поэтического наследия М.Ю. Лермонтова представила аспирантка 2 года обучения: **Александра Александровна Лысова**; **Ольга Николаевна Краснова** в своем сообщении рассказала о синтаксических средствах раскрытия глубинных художественно-психологических свойств образа повествователя

«Бедной Лизы» Н.М. Карамзина (научный руководитель **М.П. Гребнева**). Тему своей кандидатской диссертации развил в сообщении, посвященном изучению нормативного аспекта медиастилия, аспирант кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков **Аркадий Дмитриевич Шабалин** (научный руководитель **В.Н. Карпухина**).

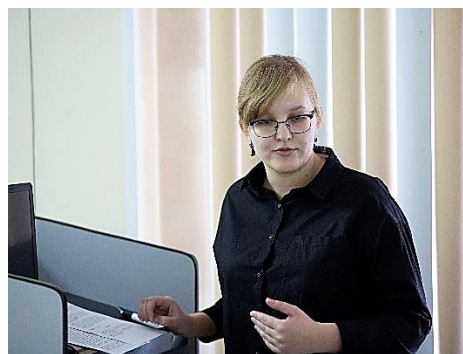

Впервые на семинаре была успешно апробирована новая форма представления тем научных исследований – защита тем кандидатских диссертаций аспирантами 1 года обучения. Первые разработки своих научно-исследовательских работ, получившие одобрение участников семинара, представили аспиранты **Ирина Николаевна Мурса** и **Елизавета Павловна Панченко** (научный руководитель **Т.В. Чернышова**).

Серьёзную заявку на качественную научно-исследовательскую деятельность представили в своих сообщениях студенты магистратуры 1 и 2 курса кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка **Трущелева Ольга Александровна** (тема сообщения «Фаустовские мотивы в повести А.В. Чаянова «Венедиктов или достопамятные события жизни моей,»») и **Яровая Анна Сергеевна** (тема сообщения ««...Хорошим примером будет жив человек,»; педагогический аспект «молчаливого сотрудничества» Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского»), работающие над актуальными проблемами литературоведения под руководством кандидата филол. наук доцента **Ковалева Олега Александровича**; **Лукина Евгения Андреевна** и **Лебаева Алевтина Андреевна**, разрабатывающие актуальные проблемы современной лингвистики под руководством доктора филол. наук, профессора **Юлии Витольдовны Трубниковой**; **Есин Артем Вадимович**, изучающий жанр киносценария как современную форму

драматургического произведения (научный руководитель **Романова Екатерина Геннадьевна**); студентка магистратуры кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков **Светлана Сергеевна Товстик**, выступившая с сообщением о лингвокультурологических особенностях киноперевода.

Интересные сообщения представили бакалавры – студентки 2 курса кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка **Дарья Чернышова**, изучающая метрическую систему поэзии алтайского поэта Геннадия Панова (научный руководитель **О.А. Ковалев**), и **Дарья Афанасьева**, совместно со своим научным руководителем **Ю.В. Трубниковой** представившая сообщение на тему «Русский язык в Казахстане: к проблеме языкового взаимодействия».

Кроме докладчиков, в работе научно-практического семинара принимали участие студенты-филологи ИГН всех направлений подготовки.

Доклады студентов были выслушаны с большим вниманием участниками семинара, сопровождались вопросами и обсуждением. Авторитетная комиссия преподавателей ИГН, присутствующая на семинаре, высоко оценила выступления студентов и рекомендовала их к публикации. Очередной – четвертый – номер электронного сборника научных трудов «Воробьевские чтения – 2022» (РИНЦ) запланирован к выпуску в 2023 году.

Седьмой Всероссийский научно-практический семинар решено провести 30 октября 2023 года и посвятить его 50-летию классического филологического образования на Алтае.

Оргкомитет ежегодного Всероссийского научно-практического семинара Шестые Воробьевские чтения: «Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании» благодарит коллег – преподавателей и студентов, принявших участие в работе семинара и обсуждении докладов, и приглашает всех заинтересованных к сотрудничеству.

Фоторепортаж с семинара предоставлен Олегом Александровичем Ковалевым.

В редактировании текста сборника и подготовке материалов к публикации участвовали студенты 3 курса, обучающиеся по направлению подготовки 45.03.01 «Филология»: Биндевальд Анжелика, Бондарева Злата, Жигоренко Елизавета, Земцова Мария, Иванова Софья, Калашникова Александра, Карих Ирина, Мартынова Анастасия, Мурамцева Анастасия, Полушкина Анна, Проскурина Валерия, Реукова Софья, Татарникова Татьяна.

*Т.В. Чернышова, доктор филологических наук, профессор,
Алтайский государственный университет*

Раздел 1. Лингвистическая русистика

В.Н. Карпухина

*Доктор филологических наук, профессор
Алтайский государственный университет*

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КЛЮЧЕВЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ТЕКСТАХ ДЖ. ФАУЛЗА

В статье рассматриваются художественные и публицистические тексты английского писателя-постмодерниста Дж. Фаулза с точки зрения выражения в них национально-культурной идентичности ключевых персонажей и самого автора. Осмысление Фаулзом его собственной национальной идентичности связано с формированием аксиологических принципов британского имперского («колониального») литературного канона. Полигlossия повести Фаулза «Башня из черного дерева», в которой

намеренно сталкиваются коммуникативные фрагменты на английском, французском, немецком, итальянском и других языках, связана с определением аксиологических приоритетов персонажей в поликультурном пространстве. Образцом «английскости» становится, как обычно у Фаулза, герой-космополит, разрушающий канон национально-культурной идентичности..

Ключевые слова: поликультурная идентичность, языковая личность, многоязычие, аксиологические приоритеты, английский язык, французский язык, Джон Фаулз.

V.N. Karpukhina

*Doctor of Philology, Professor
Altai State University*

MULTI-CULTURAL IDENTITY OF THE MAIN CHARACTERS IN JOHN FOWLES'S WORKS

The paper considers the English postmodernist John Fowles's fiction and publicistic works in the aspect of expressing the national and cultural identity of the main characters and the writer in them. Fowles's comprehension of his own national identity is connected with the development of the axiological principles in the British imperial (or "colonial") literary canon. The polyglossia of Fowles's story *The Ebony Tower*, in which the communicative fragments in English, French, German, Italian and other languages intentionally collide, is associated with the main characters' axiological priorities in a multicultural space. As usual with Fowles, the cosmopolitan character, who destroys the canon of national and cultural identity, becomes an example of "Englishness" here.

Key words: multi-cultural identity, language identity, multilingualism, axiological priorities, English, French, John Fowles

Многоязычное языковое сознание писателя предполагает поликультурную идентичность и необходимость выбора аксиологических приоритетов в языковом и социокультурном плане. Данная поликультурная ориентированность Джона Роберта

Фаулза отражается в его художественных и публицистических текстах. Исследования, посвященные мультилингвальности текстов Фаулза, связаны прежде всего с осмыслением идей «британскости» и «английскости» в его творчестве [Гарушьян, 2009; Карпухина, 2011; 2020; Зиннатуллина, 2012; Коноплюк, 2017; Huffaker, 1980; Salami, 1992 и др.].

Мультилингвальность Джона Фаулза была достаточно специфического рода. Его погружение во французский язык и французскую культуру имело одной из ключевых причин то, что в своем эссе «Заметки о неоконченном романе» он обозначил следующим образом: *«Самые разные обстоятельства давно уже заставляют меня чувствовать себя в Англии изгоем»* (Дж. Фаулз, 2002, с. 51). Однако Фаулз осмысляет достаточно критически свое недостаточное, с его точки зрения, владение французским языком (Дж. Фаулз, 2002, с. 80–81).

Национально-культурная идентичность личности формируется в ситуациях осмысления универсалий «свое» – «чужое» [Лотман, 2000, с. 257]. Осмысление Фаулзом его собственной национальной идентичности связано с формированием аксиологических принципов британского имперского («колониального») литературного канона. Данные противоречивые аксиологические принципы – предмет пристального интереса Фаулза в его публицистических очерках: *Все чаще я воспринимаю свое «британство» как поверхностное преобразование моей фундаментальной английскости, новый фасад, неуклюже прилепанный к гораздо более старому зданию. «Британия» – паспортное слово, удобное организационно и целесообразно политически. Во всех ситуациях личного порядка я – англичанин, а не британец; и «Британия» представляется мне теперь, когда я ретроспективно вглядываюсь в нее, словом-лозунгом, оказавшимся наиболее полезным нам, когда наш исторический долг требовал, чтобы мы стали мощной военной державой, и патриотизм был для этой цели весьма существенной эмоциональной силой* (Дж. Фаулз, 2002, с. 125–126). В цитируемом эссе «Быть англичанином, а не британцем» интерес представляет не столько противопоставление аксиологических приоритетов «английскости» и «британскости», сколько идентификация писательского и гражданского «Я» (self) через коллективную национально-культурную идентичность.

Многоязычный и мультикультурный языковой ландшафт художественных текстов Дж. Фаулза не раз становился объектом интереса исследователей (см., например, работы [Карпухина, 2011; 2020; Зиннатуллина, 2012]). З.Р. Зиннатуллина, например, отмечает, что в текстах Фаулза «концепция национального характера выражается в оппозиции английскость / британскость; английскость в творчестве Дж. Фаулза рассматривается в сопоставлении с французскостью и американскостью, что дает возможность включить ее в мировой культурный контекст и дополнить национальные оппозиции семантикой противопоставления прошлого и настоящего, цивилизации и природы» [Зиннатуллина, 2012, с. 10]. Исследователи концепции национального характера в творчестве Дж. Фаулза обращали пристальное внимание на его романы «Дэниел Мартин», «Женщина французского лейтенанта», «Червь».

Мы полагаем, что не менее важна для национально-культурной идентификации персонажей и автора повесть Фаулза «Башня из черного дерева». В ней концепт «английскость / британскость» помещается в общеевропейский (и шире – в мировой) контекст культуры для сознательного постмодернистского разрушения границ национально-культурного канона в литературе.

Многоязычное коммуникативное пространство «Башни из черного дерева» формируется с самого начала с помощью эпиграфа к тексту повести на старофранцузском языке. Коммуникативные фрагменты на французском языке, которые возникают в тексте повести по мере освоения Дэвидом Уильямсом нового для него пространства Котминэ, представляют собой знаки быта и культуры Бретани:

наконец он свернул на совсем узенькую лесную дорогу, заброшенную *voie communale*, и, проехав около мили, обнаружил обещанный указатель: «*Manoir de Coëtminais. Chemin privé*». ...путь ему преграждают еще одни ворота. К верхней перекладине прибита табличка. Прочитав надпись, Дэвид не мог не улыбнуться: под словами «*Chien méchant*» шло предупреждение по-английски: «Без предварительной договоренности вход посетителям воспрещен» (Дж. Фаулз, 2004, с. 8–9). Прежде чем начать коммуникацию с обитателями Котминэ, Дэвид вступает в опосредованную коммуникацию с самим пространством Бретани и сразу же терпит первое поражение: его лингвокультурологическая компетенция оказывается недостаточной для понимания знаков иной культуры. Может быть оттого, что Дэвид не очень-то владел французским и почти не знал Франции за пределами Парижа, слово «*manoir*» он воспринимал, прежде всего, зрительно, потому и переводил на английский язык как «*manor-house*» – «замок». «На самом же деле этот «замок» больше походил на старую ферму зажиточного хозяина; ничего особенно аристократического в его фасаде не было» (Дж. Фаулз, 2004, с. 10). Дэвид Уильямс является автопсихологическим героем для Фаулза: имея четко выраженное прагматическое стремление к погружению в иную культуру, он, однако, не может это сделать из-за отсутствия необходимого языкового и тезаурусного «багажа».

Как и во многих других текстах Фаулза, подобная невозможность национально-культурной идентификации с иным языком и иной культурой заставляет персонажа осмыслить свою принадлежность к культуре английской: «Он оглянулся, но птицы не увидел. Птица явно не английская. Станным образом эта мысль заставила его вспомнить, что **он-то ведь – англичанин**» (Дж. Фаулз, 2004, с. 9). Тот же парадокс наблюдается и в ситуации осмысления Дэвидом национально-культурной принадлежности одной из девушек, живущих в Котминэ вместе с Генри Бресли: несмотря на то, что Диана свободно говорит по-французски (*Чувствуйте себя **comme chez vous**, идет?*) и ведет себя с ним как *patronne* в гостинице, в несобственно-прямой речи Дэвида она идентифицируется как *типичная англичанка* (Дж. Фаулз, 2004, с. 14).

Восприятие речи антагониста Дэвида, старого художника-бунтаря Генри Бресли, дается сквозь призму интерпретации Дэвида: «*Впервые старик заговорил по-французски, странно изменившимся голосом, совершенно свободно и, на взгляд Дэвида, без малейшего акцента, как истый француз; может быть, как раз английский теперь и стал для него языком по-настоящему иностранным*» (Дж. Фаулз, 2004, с. 50]. Показательно, однако, что речь Бресли на французском в тексте не дана: коммуникативные компетенции Дэвида не позволяют ему понять диалог целиком (*Он разобрал, что обсуждается обеденное меню*). Ему доступны только стереотипные коммуникативные фрагменты из диалогов обитателей Котминэ на французском: – *Je peux server, mademoiselle?* – *Oui, Mathilde. Je viens vous aider* (Дж. Фаулз, 2004, с. 51).

В этом смысле интересна прагматическая стратегия Фаулза по «приравливанию» внешнего адресата текста, читателя, к Дэвиду Уильямсу: объемные коммуникативные фрагменты текста на французском языке даются в форме условного экфрасиса. При этом Дэвид Уильямс имеет достаточно высокий тезаурусный уровень знаний в области мировой культуры, в разговоре с Бресли вспоминает и использует термины фресковой техники письма на итальянском языке (*arriccio, intonaco, sinopie*), говорит по-немецки (– *Заумь всякую пишете, как я слышал. – Als ich kann*, – пробормотал Дэвид). Попытка использовать коммуникативные фрагменты иных языков в своей речи является для Дэвида защитной реакцией на речевую агрессию Генри Бресли. Более того, при разговоре за ужином Диане приходится «переводить» реплики Уильямса и Бресли, поскольку они не понимают друг друга, даже говоря по-английски (Дж. Фаулз, 2004, с. 70). Национально-культурная идентичность Генри Бресли совершенно очевидна: «...Это неминуемо должно было с самого начала привести к изгнанию из Англии; но во Франции он, разумеется, не мог не воспользоваться тем, что он – англичанин (все-таки

потрясающе, как много английского, если подумать, сохранилось в его личности, несмотря на все годы, проведенные в изгнании). ...Лукавый старый изгой, укрывшийся за ярко расцвеченной ширмой возмутительной манеры вести себя, за маской космополитизма, на поверку оказывался **столь же глубоко и неотъемлемо английским явлением, как Робин Гуд**» (Дж. Фаулз, 2004, с. 131–132). Именно Генри Бресли оказывается обладателем двух основных идентификационных признаков настоящей, любимой Фаулзом «Зеленой Англии».

Бресли выбирает в качестве своего локуса обитания «зеленый остров» Котминэ: *«Дом – тапои́г, – стоявший в полном одиночестве, словно остров посреди океана огромных дубов и буков»* (Дж. Фаулз, 2004, с. 10). Ср. выделение этих идентификационных признаков Фаулзом в эссе «Быть англичанином, а не британцем»: *«Мне думается, у Зеленой Англии есть две главных составляющих, и обе они объясняют наше маниакальное стремление к справедливости. Одна из них... – это тот факт, что Англия по существу своему – остров»* (Дж. Фаулз, 2002, с. 130).

С другой стороны, вечный бунт Бресли делает его воплощением другой важной составляющей Зеленой Англии – *«примитивной, но могущественной архетипической концепции Справедливого Разбойника. ...Сущность Гуда в том, что он бунтует, а не властвует. Он есть противодействие, а не пассивное утверждение чего бы то ни было»* (Дж. Фаулз, 2002, с. 131–132).

Таким образом, Генри Бресли, в отличие от Дэвида Уильямса, автопсихологического фаулзовского персонажа «Башни из черного дерева», оказывается весьма специфическим образцом «английскости». Как и в романе «Волхв», образцом «английскости» становится космополит, разрушающий канон национально-культурной идентичности. Критическое осмысление Фаулзом своих лингвистических компетенций во французском языке отражается в коммуникативных затруднениях Дэвида Уильямса при общении с Генри Бресли и Дианой на французском языке.

Полигlossия «Башни из черного дерева», в которой намеренно сталкиваются коммуникативные фрагменты на английском, французском, немецком, итальянском и других языках, как и в романе «Волхв», связана с определением аксиологических приоритетов персонажей в поликультурном пространстве.

Библиографический список

Гарушьян С.А. Проблема национальной идентичности в эссеистике Джона Фаулза // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Социология. Политология. 2009. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-natsionalnoy-identichnosti-v-esseistike-dzhona-faulza>

Зиннатуллина З.Р. Художественная концепция национального в творчестве Джона Фаулза (на материале романов «Женщина французского лейтенанта», «Дэниел Мартин», «Червь»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.

Карпухина В.Н. Аксиологические характеристики хронотопа в текстах Б. Акунина и Дж. Фаулза // Проблемы межтекстовых связей: Сб. ст. / под ред. М.П. Гребневой. Барнаул, 2011.

Карпухина В.Н. Под «Веселым Роджером» постмодернизма: аксиология интертекстов Бориса Акунина: монография. Барнаул, 2020.

Коноплюк Н.В. Репрезентация идеи «английскости» в творчестве Джона Фаулза 1960-х годов // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20).

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.

Huffaker R. John Fowles. London, 1980.

Salami M. John Fowles's Fiction and the Poetics of Postmodernism. N.Y., 1992.

Источники

Фаулз Дж. Кротовые норы: роман. М., 2002.

Фаулз Дж. Пять повестей: Башня из черного дерева. Элидюк. Бедный Коко. Энигма. Туча: повести. Пер. с англ. И. Бессмертной и И. Гуровой. М., 2004.

С.А. Осокина

*Доктор филологических наук, профессор
Алтайский государственный университет*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НАИМЕНОВАНИЙ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ

Работа посвящена рассмотрению особенностей перевода наименований документов, связанных со спецификой их функционирования в тексте документа на русском и английском языках. Рассматриваются особенности официально-делового стиля, структура и основные реквизиты официально-деловых документов, вызывающие трудности при переводе текстов документов на иностранные языки. Особое внимание уделено переводу наименований документов как основному реквизиту, определяющему тип документа. Исследуются лингвистические и юридические тонкости перевода наименований документов с позиций переводческих стратегий локализации и форенизации

Ключевые слова: функциональный стиль, официально-деловой стиль, перевод, документ, документная лингвистика

S.A. Osokina

*Doctor of Philology, Professor
Altai State University*

LINGUISTIC PROBLEMS OF TRANSLATING NAMES OF OFFICIAL DOCUMENTS

The article considers the problems of translating names of official documents and different types of business documentation from Russian into English. The work provides discussion on the problems of language functional styles related to translating document names within the structure of the document. The main attention is given to the translation difficulties connected with linguistic and legal aspects of document translation from the perspective of two translation strategies: foreignization and localization.

Key words: “functional style in speech, translation, document, officialese, documentation.

Данная работа посвящена рассмотрению особенностей перевода наименований документов, связанных со спецификой их функционирования в тексте документа на русском и английском языках.

Особенности стиля официально-деловых документов определяются целями его назначения – данный вид функционального стиля используется в текстах узкой прагматической направленности, связанных с обеспечением делового взаимодействия, управления и регламентации деятельности в различных сферах. При этом сферы использования официально-делового стиля могут быть довольно разными – это не только правительственная и юридическая сферы, но и образование, медицина, наука, производство, торговля – по сути, любые виды человеческой деятельности, где взаимодействие людей регламентируется официальными нормами, подкрепленными правовым регулированием.

Среди других функциональных стилей русского языка официально-деловой стиль отличается своей относительной замкнутостью, которая предполагает использование ограниченного спектра языковых средств выражения и намеренный отказ от обновления состава данных средств во избежание инотолкования официальных документов. Обновление словарного состава документов, конечно, происходит со временем, но специфика официального делового общения такова, что используется довольно узкий перечень речевых жанров, устоявшихся в своей консервативной форме, для которой характерна устаревающая лексика, фразеология, предполагающая употребление редких специфических грамматических форм слов, сложного синтаксиса и предельно четко организованной шаблонной структуры текста. При этом в исследованиях последних лет нередко появляются работы, свидетельствующие о наличии определенных трансформаций в текстах официально-деловых документов, которые оцениваются, скорее, как незнание строгих норм составления таких документов и использования соответствующих языковых средств [Трубникова, 2019; Федосюк, 2017; Кудрин, 2015].

Хотя многие исследователи функциональных стилей на материале английского языка указывают на то, что стилевые отличия в английском в принципе представлены гораздо менее выражено, по сравнению с русским языком (см., например, [Сапова, Голодова, 2017; Фаина, 2022]), строгий стиль англоязычной документации характеризуется практически сопоставимыми с русскоязычными отличительными чертами. К ним относятся: наличие избыточных слов, канцелярской лексики (или слов, квалифицируемых как «officialese», «bureaucratese» или «governmentese», которые часто описываются как сложные по морфемному составу слова иноязычного происхождения – в отличие от простых односложных и одноморфемных англо-саксонских слов), перевес в сторону сложных предложений с преобладанием пассивных конструкций и использованием инверсивного порядка слов, хотя для нормированного английского языка в принципе характерно употребление простых предложений с прямым порядком слов. Все это усложняет понимание текста официальных документов.

Официально-деловые документы, как правило, подвергаются унификации, проявляющейся в строгом расположении текста на бумаге, что придает ему шаблонный характер. Особое расположение текста позволяет графически выделить те фрагменты текста, которые представляют собой обязательные реквизиты для текстов определенного типа документов. Так, обязательным реквизитом такого документа, как стенограмма является указание на название мероприятия, ход которого фиксируется в виде дословной записи выступления собравшихся, обязательными реквизитами договора являются предмет и условия договора и так далее.

Особую роль в структуре официально-делового документа играет наименование документа. Наименование – важнейший реквизит, по сути, определяющий тип документа и его текстовую структуру. При этом необходимо отметить, что наименование документа не всегда входит в текст документа. В первую очередь, это относится к документам, носящим частный характер. Например, в деловом письме частному лицу слово *Письмо* не фиксируется в тексте документа и не является его обязательным реквизитом. Однако в официальных документах регламентирующего характера, в которых так или иначе отражается специфика официального взаимодействия между людьми (например, отношения подчиненности, коллегиальности и подобные), наименование документа является обязательным его реквизитом. Так, информационное письмо уже содержит наименование *Информационно письмо* в качестве своего реквизита. Регламентирующие деятельность документы распорядительного, организационно-правового, планово-отчетного, информационно-справочного, кадрового, судебно-искового и регистрационно-контрольного характера (*Приказ, Указ, Распоряжение, Постановление, Решение,*

Протокол, Стенограмма, Отчет, Справка, Иск, Заявление, Согласие, Договор, Представление, Служебная записка, и т.д.), как правило, включают наименование документа в структуру текста.

При этом необходимо отметить, что наименование документа не всегда является заголовком в структуре текста документа. Заголовок представляет собой особый элемент в структуре текста, состоящий из одного или нескольких слов и имеющий фиксированное положение – в абсолютном начале текста. В структуре текста документа наименование может быть не обязательно первым словом. В этой связи примечательны многочисленные дискуссии последнего времени об оформлении текста заявления, которые можно найти на множестве сайтов. Если ранее слово *заявление* в структуре текста документа трактовалось как последнее слово в предложении, содержащем такие реквизиты, как адресат (на чье имя пишется заявление), адресант (от чьего имени пишется заявление) и только потом, собственно, наименование документа («кому чье заявление»), поэтому слово *заявление* необходимо было писать со строчной буквы и ставить после него точку, то в настоящее время такая норма признается устаревающей, слово *заявление* трактуется как заголовок документа и, соответственно, пишется с прописной буквы без точки в конце [Сперанская, 2011]. Подобные изменения объясняются подвижностью языковой системы, ее развитием, основополагающей движущей силой которого является использование языка большим количеством носителей с разным уровнем образованности.

Особенности составления документов, их типы и специфика оформления текстов документов различных типов на бумаге – предмет отдельного рассмотрения в русле документной лингвистики и документоведения. Нас в большей степени интересует наименование документа в аспекте проблем теории и практики перевода.

При переводе текстов определенного функционального стиля рекомендуется использовать языковые средства, характерные для соответствующего функционального стиля в языке перевода. В частности, как было отмечено выше, и для русского, и для английского официально-делового стиля характерно использование канцеляризмов и устойчивых клишированных оборотов, например: *foregoing* – *далее, именуемый в дальнейшем*, *thereunder* – *нижеследующий*, *undersigned* – *нижеподписавшийся*, *for the avoidance of* – *во избежание*, *without let or hindrance* – *беспрепятственно, беспрекословно*. При этом одному и тому же слову английского языка может соответствовать несколько вариантов функциональных эквивалентов перевода в русском, в зависимости от того, в каком месте (в каком реквизите) в структуре документа появляется соответствующее слово. Так, слово *hereinafter* в тексте документа на русском языке может переводиться такими вариантами: *здесь и далее, в дальнейшем, по тексту документа, нижеследующий, нижеуказанный, нижеименуемый*. Аналогичное действует и при переводе с русского языка, когда одному и тому же слову в тексте документа могут соответствовать разные лексемы в английском языке в зависимости от места в структуре документа. Например, слово *данный* (в таких сочетаниях, как *данный договор, на основе данного распоряжения*) редко соответствует таким словам как *the given, the present* в текстах официальных документов, а чаще переводится словами *herein, hereof, hereby, hereinafter*.

Появление одинаковых слов в разных местах в структуре документа свидетельствует о том, что данные слова входят в разные реквизиты документа, а при переводе соответствующего реквизита на другой язык учитывается не только семантика исходной лексемы, но и шаблонные слова и фразы, обязательные для использования в соответствующем реквизите в переводном документе. В данном случае лексемы исходного языка, одинаковые внешне и соотносимые по семантике, воспринимаются переводчиком как некие функциональные омонимы, требующие подбора разных переводных эквивалентов в структуре документа на другом языке,

поскольку они функционируют в рамках реквизитов, которые не могут быть взаимозаменяемыми.

Это позволяет рассматривать специфику перевода документации в аспекте локализации – то есть, с позиций избрания переводческой стратегии, ориентированной не на замену слов языка-оригинала на эквивалентные по лексической семантике слова в языке перевода, а подбор функциональных эквивалентов, представляющих собой слова иной лексической семантики (подробнее вопросы локализации при переводе официально-деловой документации рассматриваются в работе [Осокина, 2019]).

Наименования документов по своей структуре могут состоять из одного или нескольких слов, при этом для многословных наименований характерно использование строго фиксированного набора лексем, идущих друг за другом в определенном порядке в определённых грамматических формах, например, *исковое заявление, дополнительное соглашение к договору, договор купли-продажи* (не *договор о купле и продаже*), *согласие на медицинское вмешательство* (не *согласие с медицинским вмешательством* или *о медицинском вмешательстве*). С этой точки зрения, наименования документов также представляют собой устойчивые и клишированные обороты, характерные для официально-делового стиля в целом. Задача переводчика – подобрать соответствующую замену в языке перевода таким образом, чтобы получающийся в результате документ мог иметь аналогичную юридическую силу и трактовку, что и исходный документ.

Переводоведческие работы, изучающие вопросы перевода текстов официально-деловых документов, немногочисленны и, как правило, представляют собой исследования способов перевода и переводческих трансформаций, используемых при передаче текста оригинального документа средствами иного языка. Как и при переводе текстов других типов, при переводе документов наибольшие трудности вызывают слова, не имеющие прямых соответствий в языке перевода. Заостряется внимание на проблемах перевода имен институтов и организаций (например, органов выдачи документа, упоминание которых является обязательным реквизитом в структуре документа), аббревиатур (особенно в части указания платежных реквизитов) и специальных терминов. Наиболее часто используемыми способами перевода в таких случаях являются транскрипция и транслитерация, описательный перевод и калькирование [Samarina, Starodubtseva, 2020].

Использование подобных переводческих трансформаций в большей степени соответствует такой переводческой стратегии как форенизация (от англ. *foreign*), которая предполагает сохранение исходного словесного оформления текста документа, чуждого (и поэтому не всегда понятного) реципиенту переводного текста.

Стратегии форенизации и локализации противоположные по своей сути и применяются для перевода реквизитов разных типов. Локализация чаще используется при переводе названий институтов и устойчивых оборотов и клише в составе документов, например, выражение *история болезни* переводится подбором соответствующего выражения в англоязычных странах – *patient's records* (вместо буквального перевода *history of disease*), а стратегия форенизации набирает все большую силу при переводе аббревиатур: *УФК* – *УФК*, *ОКПО* – *ОКРО*, *ОКТМО* – *ОКТМО* и т.д. При этом совершенно очевидно, что буквы *УФК* и другие англоязычные переводные аббревиатуры невозможно соотнести с соответствующими словами при расшифровке аббревиатуры (*УФК* – Управление федерального казначейства, или *Federal Treasury Department, FTD*, по-английски). В данном случае перевод аббревиатур соответствует общей тенденции последних лет осуществлять транслитерацию иноязычных аббревиатур без соотнесения с соответствующими словами в языке перевода, для сравнения: *NATO* (*North Atlantic Treaty Organisation*) – *HATO* (*Организация Североатлантического договора*), *OPEC countries* (*Organization of the Petroleum Exporting*

Countries) – страны ОПЕК (Организация стран -экспортеров нефти). Интересный факт, что российский документ *Страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования* более известен как СНИЛС (*Страховой номер индивидуального лицевого счёта*), соответственно, допустимо переводить наименование данного документа транслитерацией с объяснением: *SNILS (Personal insurance account number)*.

Примечательно, что при переводе названий документов прямо противоположные стратегии локализации и форенизации оказываются равнодействующими применительно к документам практически любых типов. Так, наименование *Аттестат о среднем общем образовании* может переводиться как при помощи приема функциональной замены на название документа, выдающегося по окончании школы в зарубежных странах (стратегия локализации) – *High School Diploma*, – так и при помощи калькирования русскоязычного названия (стратегия форенизации): *Certificate of Secondary Education*.

Использование клише и устойчивых фраз, с одной стороны, упрощают задачу переводчика, поскольку достаточно найти один удовлетворяющий критериям адекватности перевода вариант, который можно в последующем использовать для перевода документов аналогичного типа. Однако, с другой стороны, трудность состоит в том, что шаблоны документов на разных языках не всегда совпадают, а главное – имеют в своей основе юридические системы разных стран, что заставляет переводчика сомневаться в правильности выбора варианта перевода при включении его в иной текстовый шаблон. Так, неоднозначные рассуждения по поводу того, насколько правомерно переводить с русского на английский наименование *Диплом кандидата наук*, используя стратегию локализации: *Ph.D. Certificate* (в переводе используется прием функциональной замены) или, используя стратегию форенизации (то есть, фактически, оставляя русское наименование): *Candidate of Science Diploma* (в данном случае переводом выступает калька с русского), или даже более радикально: *Diplom kandidata nauk* (в данном случае применяется транслитерация), – не лишены основания, поскольку критерии присвоения ученой степени кандидата наук отличаются от критериев присвоения степени Doctor of Philosophy (Ph.D) в зарубежных странах и переводной документ, какое бы название ни стояло в его заголовке, требует нострификации в иной стране.

С позиций теории и практики перевода наименования многих официальных документов, включая *Диплом кандидата наук*, вполне можно рассматривать в качестве реалий, то есть уникальных явлений, отсутствующих в правовой системе иноязычной страны и, в связи с этим, не имеющих соответствующих языковых выражений для их обозначения. Отметим, что к категории лингвистических реалий можно причислить и другие реквизиты документа, например, указание адреса в составе документа, органа, выдавшего документ, органа регистрации прав и подобных. Тенденция последних лет показывает, что при переводе адреса с русского языка на английский все чаще предпочтение отдается транскрипции и транслитерации: например, более предпочтительным считается переводить сочетание *улица Л. Толстого* выражением *ulitsa L. Tolstogo*, а не *L. Tolstoy Street*, а при переводе наименований институтов и организаций чаще используются приемы калькирования и описательный перевод.

Ниже приведена таблица наименований российских документов, которые нуждаются в переводе на иностранный язык в первую очередь, например, при переезде за границу, трудоустройстве за рубежом и в других жизненно важных ситуациях, и варианты их перевода на английский язык в рамках указанных противоположных стратегий перевода (Таб.1). Стратегия форенизации в данном случае предполагает максимальное сохранение названия русского документа, его перевод с помощью кальки с русского языка или такого приема, как описательный перевод. Подобные наименования звучат чуждо в английском языке и могут вызвать трудности понимания,

в частности, наименование *Certificate of Complete General Secondary Education* может вызвать нежелательные ассоциации, что данный документ не дает права поступления в британский вуз. Однако выполненные таким образом переводы подчеркивают правовой статус наименования официального документа, выданного в соответствии с юридическими нормами Российской Федерации. Стратегия локализации, наоборот, предполагает использование наименования соответствующего документа, учрежденного в рамках правовой системы иноязычной страны (в таблице приведены британские, американские и канадские названия документов). Перевод такого типа, возможно, не будет иметь барьеров при понимании среди рядовых носителей иностранного языка, однако может вызвать юридические вопросы, связанные с возможным несоответствием правовых систем разных стран, влекущим несоответствие наименования документа его юридическому содержанию.

Таблица 1

Наименование русского документа	Перевод наименования в рамках стратегии форенизации	Перевод наименования в рамках стратегии локализации
<i>Паспорт</i>	<i>Passport</i>	<i>Registration Certificate, Identity Card</i>
<i>Свидетельство о рождении</i>	<i>Birth Certificate, Certificate of Birth</i>	<i>Certificate of Live Birth</i>
<i>Диплом о высшем образовании</i>	<i>Diploma of Higher Education</i>	<i>Higher National Certificate, University Diploma, Postsecondary Diploma</i>
<i>Водительское удостоверение</i>	<i>Driver's License, Driving License</i>	<i>Driver License</i>
<i>Аттестат о полном среднем общем образовании</i>	<i>Certificate of Complete General Secondary Education</i>	<i>High school diploma, General diploma, Diploma of graduation</i>
<i>Трудовая книжка</i>	<i>Work Record Book, Employment Record Book</i>	<i>Record of Employment, Occupational Record</i>

Проведенный анализ позволяет заключить, что перевод наименований официальных документов с одного языка на другой представляет собой сложную проблему, включающую не только лингвистический аспект вопроса (подбор соответствующих эквивалентов в языке перевода и их отсутствие), но и юридический аспект вопроса, связанный с тем, что правовые системы разных стран не полностью совпадают. При решении подобных переводческих проблем на первый план выходит личность переводчика и степень его ответственности за выполненный перевод в случае необходимости нотариального заверения переводного документа. Решение в каждом конкретном случае может зависеть от множества сопутствующих факторов экстралингвистического характера.

Библиографический список

Кудрин Д.П. О целесообразности трансформации официально-делового стиля в контексте разработки инструктивных материалов // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2015. № 1 (17). С. 33–37.

Осокина С.А. Языковые особенности оформления договоров купли-продажи автомобиля на русском и английском языках: перевод и локализация // Филология и человек. 2019. №1. С. 61–73.

Сапова Е.С., Голодова О.А. Лексические особенности англоязычного официально-делового стиля // Проблемы преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка в вузе. Материалы Международной научно-практической конференции. Рязань: Издательство «Концепция», 2017.

Сперанская А. Реквизит. Заявление // Новая университетская жизнь. 2011. URL: <https://gazeta.sfu-kras.ru/node/2943>

Трубникова Ю.В. Официально-деловой стиль и современный документ: причины и направления трансформации // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура 2019. №2. С. 97–101.

Фадина Е.Ю. Характеристика особенностей функциональной стилистики на английском языке // Всероссийский филологический форум. Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 11–15.

Федосюк М.Ю. Официально-деловой стиль современного русского языка: рациональные основы и иррациональные инновации // Рациональное и эмоциональное в русском языке. сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта. Н.Б. Самсонов (отв. ред.). 2017. С. 379–384.

Samarina I.V., Starodubtseva I.I. Translation techniques in the official style (on the material of business contracts and agreements) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 229–237.

Д.А. Бабак
Аспирант
Алтайский государственный университет
Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор С.А. Осокина

УСТОЙЧИВЫЕ ОБОРОТЫ И КЛИШИРОВАННЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ

В статье анализируется использование устойчивых оборотов и клишированных выражений в научных медицинских текстах, их стилистические особенности. Рассматриваются определения таких понятий как «медицинский текст», «устойчивые обороты (фразеологизмы)», «клише» в аспекте теории практики перевода. Так как научные медицинские тексты очень стандартизированы, а их перевод считается одним из самых сложных и важных среди научно-технических видов перевода, в статье указывается специфика этих текстов и специфика их перевода. Приводятся классификации фразеологизмов, их примеры, а также анализируются особенности их употребления при переводе в зависимости от коммуникативной ситуации. Приводятся примеры клишированных фраз, которые характерны для медицинских

текстов, особенно фармацевтической тематики (текстов рецептов, инструкций к лекарственным средствам). Особое место в научной медицинской литературе занимают крылатые выражения на латыни, так как большинство медицинских терминов имеют греческие и латинские корни. Также в статье указываются способы перевода данных выражений. Так, создание точного и адекватного перевода требует не только лингвистических, но и предметных познаний переводчика в области медицины.

Ключевые слова: медицинский текст, медицинский перевод, устойчивые обороты (фразеологизмы), медицинский термин, клише.

D.A. BABAK
Graduate student
Altai State University

SET EXPRESSIONS AND CLICHÉS AS STYLISTIC FEATURES OF MEDICAL TEXTS

The article discusses the use of set expressions (phraseological units) and clichéd expressions in scientific medical texts, and their stylistic features. The paper defines such concepts as "medical text", "set expressions (phraseological units)", "clichés". The scientific medical texts are very standardized, and their translation is considered to be one of the most complex and important among scientific and technical types of translation, the article indicates the specifics of these texts and the specifics of their translation. Classifications of phraseological units, their examples, as well as the specifics of use depending on the communicative situation are given. There are also the examples of clichéd phrases that are characteristic of medical texts, especially pharmaceutical topics (texts of prescriptions, instructions for medicines). A special place in the scientific medical literature is occupied by set expressions in Latin, since most medical terms have Greek and Latin roots. The article also specifies ways to translate these

expressions. The creation of a qualified translation requires not only linguistic, but also specific medical knowledge of the translator, especially in the medical field.

Keywords: medical text, medical translation, phraseological units, medical terminology, cliché

Медицинский текст – это специализированная медицинская публикация или текст частного характера, содержание которого непосредственно связано с вопросами здоровья человека. Специфика научных медицинских текстов заключается в их предназначении для узкого круга специалистов в области медицины [Пономаренко, Мишутинская, Злобина, 2018].

Перевод научных медицинских статей относится к научно-техническому переводу и считается одним из самых сложных и важных видов перевода, занимая особое место. «Научно-технический перевод – один из жанров специального перевода, обслуживающий сферы общения на научные и технические темы» [Нелюбин, 2003, с 117]. Для выполнения такого перевода требуется переводчик, владеющий не только соответствующим иностранным языком, но и специальной терминологией в области медицины, биологии, химии и фармацевтики.

Медицинский текстовый материал разнообразен. Это отчеты о результатах анализов, выписки из истории болезни пациентов, инструкции по применению лекарственных средств, операционные журналы, назначения врачей, рецепты, стандарты медицинской помощи, научные статьи и так далее. Специфическими чертами перевода данных документов является насыщенность текста терминами, шаблонными фразами, устойчивыми выражениями, протокольность речи, отсутствие образных и эмоциональных средств, что требует точного выбора клишированного языкового варианта, подходящего под коммуникативные условия.

В данной статье мы рассмотрим специфику употребления устойчивых оборотов и клишированных выражений в медицинских текстах.

В словарях можно встретить разные определения понятия «устойчивый оборот (фразеологизм)». Устойчивые обороты (фразеологизмы, фразеологические единицы, идиомы) – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые характеризуются постоянным лексическим составом, грамматическим строением и известным носителям данного языка значением (в большинстве случаев переносно образным), не выводимым из значения составляющих фразеологических компонентов [БРЭ]. А.И. Смирницкий отмечал, что «фразеологическими единицами являются семантически цельные образования, причем их семантическая цельность основана на идиоматичности» [Смирницкий, 1998, с. 145]. Крупнейший специалист по фразеологии английского языка А.В. Кунин говорил, что «для фразеологических единиц характерна не вообще устойчивость, а устойчивость на фразеологическом уровне, закономерные зависимости словесных компонентов и структурно-семантическая немоделированность» [Кунин, 1996, с. 25]. Учёные-лингвисты приводили и приводят различные классификации фразеологизмов в зависимости от определенных аспектов: источников, средств, стилистической окраски.

В отечественном языкознании фразеологическая концепция советского лингвиста В.В. Виноградова считается классической, и вслед за ним ученые выделяют 3 типа фразеологизмов:

- 1) фразеологические сращения (идиомы, утратившие мотивировку значения);
- 2) фразеологические единства (идиомы, сохраняющие прозрачную внутреннюю форму);
- 3) фразеологические сочетания (обороты, в которых у одного из компонентов фразеологически связанное значение, эквивалентами слов не являются) [Виноградов, 1977, с. 13].

В классификации В.В. Виноградова были выявлены межъязыковые особенности фразеологических единиц – в частности, фразеологизмы первой группы присутствуют и в русском, и в английском языках.

Современный лингвист М.О. Юнусова делит фразеологизмы на следующие 4 группы:

1) фразеологизмы I порядка. К ним относятся фразеологизмы и идиомы, значение которых не выводимо из их компонентов, но воспринимается как единое целое, их метафоричность со временем была утеряна;

2) фразеологизмы II порядка. К данному виду относят термины-словосочетания;

3) фразеологизмы III порядка. Это – фразеологические сказуемые и фразовые глаголы;

4) фразеологизмы IV порядка. Представлены клише и вводными конструкциями [Юнусова, 2016].

Фразеологизмы I порядка характеризуются наличием эмоциональной окраски, образности, экспрессивности. Такие выражения редко встречаются в медицинских текстах, так как свойственны больше художественной литературе. Однако важно отметить, что научные медицинские тексты на английском языке отличаются большей эмоциональностью, в отличие от текстов на русском языке, которые отличаются нейтральностью. Экспрессивность в них может присутствовать, но ограничено. Доминирующей в англоязычных текстах является количественная экспрессивность (*most essential, much less limited* и т. д.) [Пономаренко, Мишутинская, Злобина, 2018].

Фразеологизмы II порядка, которые представлены терминами, чаще всего встречаются в медицинских текстах. Они имеют свои особенности: употребление общелитературных, межстилевых устойчивых оборотов, которые обычно выступают в номинативной функции, то есть изначально свободные словосочетания превращаются во фразеологические сочетания, носящие терминологический характер (*cardiovascular event* – сердечно-сосудистые осложнения, *the English disease* – пахум, *belly button* – пупок, *round shouldered* – сутулый человек, **(head)shrinker** – **психотерапевт**, *arterial tension* – артериальное давление). Спецификой медицинских терминов является то, что нередко они представляют собой сложные слова, состоящие из нескольких корней, либо корней и аффиксов, заимствованных из латинского языка.

К фразеологизмам III порядка относится употребление фразеологизированных сказуемых и фразовых глаголов, значение которых отличается от исходного значения глагола. Так, можно встретить использование глаголов *to take*, *to carry out*, *to conduct* и так далее (*to take (someone's) pulse/temperature* – измерить пульс/температуру; *to carry out an analysis/medical tests* – проводить медицинский анализ; *to conduct a medical examination* – проводить медицинское обследование).

Фразеологизмы IV порядка – клише, вводные конструкции, шаблонные фразы также часто встречаются в медицинских текстах.

Клише – это готовые, воспроизводимые единицы языка. В узком смысле клише – это только фразеологизмы, а в широком – морфемы, слова, грамматические конструкции [Рождественский, 1970, с. 213]. Клише необходимы и составляют основу любого профессионального языка [Толопило, 2018].

Анализируя медицинские тексты, можно заметить, что такие клише встречаются чаще всего в рецептах и инструкциях к лекарственным препаратам. Более того, зафиксированные стандартизированные клишированные конструкции обязательны в такого рода текстах.

Шаблонная фраза, которая встречается почти во всех инструкциях к медицинским препаратам – «хранить в недоступном для детей месте». Данная фраза входит в Перечень всех мер по предупреждению опасности (Р-фраз) – перечень унифицированных фраз, описывающих необходимые меры, которые необходимо

предпринимать для минимизации или устранения неблагоприятных воздействий того или иного химического вещества. Р-фразы установлены в рамках согласованной на глобальном уровне системы классификации и маркировки химических веществ (СГС) и опубликованы в нормативных документах ООН, ЕС, а также в ГОСТ Предупредительная маркировка химической продукции [Перечень мер по предупреждению опасности]. В английском языке есть шаблонный аналог – “*Keep out of reach of children*”. Приведем еще несколько примеров шаблонных фраз на русском и английском языках: «*Держать в прохладном месте. Беречь от солнечных лучей*» – “*Keep cool. Protect from sunlight*”; «*Перед использованием ознакомиться с инструкцией по применению/маркировкой продукта*» – “*Read instructions/label before use*”.

Особое место в научной медицинской литературе занимают крылатые выражения на латыни, так как большинство медицинских терминов имеют греческие и латинские корни. Например, «*ab initio*» – «с начала», «*in vitro*» – «полученный в искусственных условиях; в искусственном окружении; в пробирке» и так далее.

Крылатые выражения – устойчивые, афористические, обычно образные выражения, заключающие в себе глубокую мысль, сентенцию, яркую экспрессию, которые осложнены смысловой и/или оценочной коннотацией [БРЭ]. Переводчики воспринимают такие словосочетания как клишированные устойчивые сочетания и интерпретируют их без трудностей.

Стоит отметить, что ведущими способами перевода фразеологических единиц, клишированных и шаблонных выражений с английского на русский являются эквивалентный перевод (*nerve impulse* – нервный импульс, *oxygen capacity* – емкость кислорода), аналоговый перевод (*complete blood count* – анализ крови, *tooth and nail* – решительно и упорно бороться за что-либо, *belly button* – пупок), калькирование (*systolic dysfunction* – систолическая дисфункция, *host cell* – клетка-хозяин), транслитерация (*antibiotics* – антибиотики, *vasodilation* – вазодилатация), описательный перевод (*Guérin's fracture* – перелом верхней челюсти, *stomach-tooth* – нижний (молочный) клык. Назван так потому, что прорезывание этих зубов часто сопровождается желудочными расстройствами) [Слугина, Рокунова, 2020].

Таким образом, можно следующие выводы:

1. Устойчивые сочетания и клишированные выражения используются в научных медицинских текстах. Частое употребление устойчивых терминологических выражений и шаблонных фраз в медицинских текстах способствует их восприятию как специфических медицинских фразеологизмов. За счет повторения таких фразеологизмов во множестве медицинских текстов достигается стандартизация медицинских фармацевтических текстов.

2. Медицинские фразеологизмы призваны подчёркивать внешние признаки заболевания, придать более яркую окраску для более точного и полного описания ситуации. Многие фразеологизмы впоследствии стали терминами из-за устойчивости их формы и воспроизводимости. Со временем подобные словосочетания потеряли образность, а также появилась трудность в подборе к ним синонимичных выражений.

3. Перевод устойчивых и клишированных выражений в медицинских текстах имеет свои сложности, особенно из-за семантической целостности данных сочетаний, поэтому переводчику необходимы отличные знания терминологии, приемов и методов перевода, обязательное обращение к словарям.

Библиографический список

- (БРЭ) Большая российская энциклопедия. 2005-2019. URL <https://bigenc.ru/>
Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 198 с.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. Изд-е 2-е, перераб. М.–Дубна: Высш. шк.; Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.

Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

Пономаренко Л.Н., Мишутинская Е.А., Злобина И.С. Лингвостилистические особенности медицинских текстов в переводческом аспекте // Гуманитарная парадигма. 2018. № 1 (4). С. 9–14.

Перечень мер по предупреждению опасности (Р-фраз). URL: https://ucsol.ru/documents1/perechen_P_fraz.pdf

Рождественский Ю.В. Что такое «теория клише» // Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. М.: Наука, 1970. С. 213–236.

Слугина О.В., Рокунова Н.И. Специфика употребления и перевода фразеологических оборотов в англоязычном медицинском научном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-upotrebleniya-i-perevoda-frazeologicheskikh-oborotov-v-angloyazychnom-meditsinskom-nauchnom-tekste>

Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Издательство МГУ, 1998.

Толопило М.В. Психолингвистические функции клише: текстоформирующий и чувствообразующий фактор перевода // Вестник Марийского государственного университета. 2018. № 4 (32).

Юнусова М.О. Фразеологизмы в научных текстах на английском языке // Актуальные вопросы филологических наук: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 54–57. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/232/11152/>.

О. Е. Николаева

Аспирант

Алтайский государственный университет

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор Карпухина В.Н.

МОТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная работа посвящена рассмотрению мотивного анализа как разновидности постструктуралистского подхода с точки зрения лингвокультурологии. Выделяются ключевые признаки мотива, методы его определения. Автором предпринята попытка выделить основные мотивы поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон». Ключевые слова: мотивный анализ, лингвокультурология, постструктурализм, поэма «Демон»

O. E. Nikolaeva

MOTIVE TEXT ANALYSIS: LINGUO-CULTURAL ASPECT

Graduate student

Altai State University

Scientific director

Doctor of Philology, Professor Karpukhina V.N.

This work deals with the consideration of motivic analysis as a kind of poststructuralist approach from the point of view of linguistic cultural studies. The key features of the motive and methods of its determination are revealed. The author attempts to identify the main motives of M.Yu. Lermontov's poem *Demon*.

Keywords: motivic analysis, linguistic cultural studies, poststructuralism, poem *Demon*

Понятие мотива как организующей текст смысловой единицы пришло в литературоведение из музыкального языка, в котором он является минимальной структурой в рамках музыкального синтаксиса, способной обозначить музыкальную идею и обеспечить «узнавание» текста. Мотивный же анализ в литературе как разновидность постструктуралистского подхода к анализу текста возник в противовес лотмановской структуралистской идеологии об уровне членении текста и линейности отдельно взятых его единиц.

Б.М. Гаспаров, сформулировавший определение мотивного анализа, настаивал на всепроникающем характере мотивов в тексте, где они, подобно кровеносным сосудам, пронизывают весь текст, повторяясь и дополняя друг друга: «Сущность мотивного анализа состоит в том, что он не стремится к устойчивой фиксации элементов и их соотношений, но представляет их в качестве непрерывно растекающейся «мотивной работы» [Гаспаров, 1996, с. 335]. Мотив рассматривается Гаспаровым исключительно как «кросс-уровневая единица» [Руднев, 1997, с. 180], как бы транслирующая обобщение событийной нити или авторских идей, представляя собой смысловое «зерно» текста, на основе которого можно составлять ассоциативные ряды.

В качестве ключевых признаков, характеризующих мотив, можно выделить повторяемость, интертекстуальность по отношению к другим текстам, семантическую насыщенность и его эстетичность. Переплетающиеся в конкретном тексте мотивы, в конечном счете, формируют смысл произведения, а их интертекстуальные отсылки

задают вектор для интерпретации. Мотивный анализ технически близок интертекстуальному анализу, а также контекстному, так как предполагает работу с языковым материалом – словарную работу, ориентированную на поиск концептов.

Мотив имеет двойственную природу, обладая, с одной стороны, структурной и семиотической устойчивостью, а с другой – подверженностью лексической и семантической вариативности. «Хрестоматийными» примерами в данном случае могут являться традиционные для литературы библейские, мифологические мотивы, мотивы мировой литературы, несущие большой символический потенциал. Б.М. Гаспаров отмечал, что «в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое «пятно» – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и так далее, единственное, что определяет мотив – это его репродукция в тексте» [Гаспаров, 1994, с. 30]. Методологический инструментарий исследования мотивного анализа включает в себя как общенаучные методы (сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический), так и собственно лингвистические (текстологический метод, метод компонентного и имагологического анализа текста).

В связи с этим, важно отметить и существенное отличие лейтмотива от мотива: первый функционирует лишь в рамках одного текста, второй же может наблюдаться в других произведениях автора или быть приметой времени. Действительно, процесс мотивного анализа текста существует не в отрыве от определенного контекста, а в конкретном произведении, в творчестве конкретного автора, в рамках конкретной эпохи и литературного направления.

Такая наука, как лингвокультурология, называемая в узком смысле культурной лингвистикой, изучает взаимосвязь между языком и культурными концептами, закрепленными в сознании индивидуума за конкретной языковой единицей [Питерс, 2017, с. 39]. Так, можно говорить о важности лингвокультурологического аспекта в осуществлении мотивного анализа, учитывая, что и автор, и интерпретатор являются носителями особой лингвокультуры, обладателями определенного культурного кода и мировосприятия, сформированного исторической и культурной действительностью.

Несомненно, мотивы напрямую формируют смысл текста, порождая сюжет. А.Н. Веселовский видел сюжет как «тему, в которой снуются разные положения – мотивы» [Веселовский, 1940, с. 500]. Однако возникает справедливый вопрос о вычленении и поиске мотивов в зачастую бессюжетной лирике, в которой отсутствует фабульная последовательность, зато есть тема, как правило, эксплицитно выраженная в названии или самом тексте. Лирический текст, в отличие от эпического повествования, – цепь мотивов, тематических по своей сути.

Поэма М.Ю. Лермонтова «Демон» является примером яркого сочетания эпического и лирического начал с преобладанием последнего. Двухчастная структура поэмы, в первой части которой доминирует эпическая фабульность, а во второй – лирическая абстрактность и сосредоточенность на образах главных героев, однако не располагает к членению и разбиванию текста на фрагменты, как это характерно для анализа эпических повествовательных текстов. В данном случае целесообразно брать в качестве единицы анализа текст целиком, так как основные мотивы текста реализуются в образе главного героя, Демона. Имагологический анализ образа Демона выстраивается, исходя из его отношения к миру, Богу, Тамаре.

Единство образа Демона как лирического субъекта поддерживается благодаря лексическим повторам, создающим особое лексико-тематическое поле, что характерно для лирики, где, в отличие от прозы, повторы способны нарушить стройность текста. Выделяя в «Демоне» ключевые слова, образующие тематическое поле поэмы (*дух, ад, рай, сомненье, изгнание, печаль, грех* и т.п.), можно выделить и основные мотивы текста: мотив богоборчества, мотив падения, мотив всепрощения, относящиеся к

библейской и мифологической тематике. Упомянутые мотивы – сквозные в творчестве Лермонтова, они широко представлены и в раннем лирическом творчестве автора, из которого «вырос» образ Демона. Мотивный анализ, таким образом, позволяет рассматривать поэму в парадигме всего материала, созданного Лермонтовым. Лингвокультурологический же аспект мотивного анализа учитывает также особенности мироощущения современников автора и культурную эпоху: русский романтизм, сформировавшийся под влиянием западной литературы, приобрел особый колорит в творчестве В.А. Жуковского и раннего А.С. Пушкина, от которых идейно отталкивался Лермонтов. Невозможность открыто критиковать действительность проявилась в особом восприятии мотива богоборчества и противостояния высшим силам.

Мотивный анализ представляет собой способ интерпретации художественного текста, для истолкования которого имеет смысл опираться на исторический и культурный контекст. Методика работы с лирическим и эпическим повествовательным текстами может отличаться ввиду проявления в них тем и действий эксплицитно или имплицитно. Каждый мотив участвует в создании смысла текста, являя собой достаточно подвижное тематическое поле.

Библиографический список

- Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М., 1994.
Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
Лермонтов М.Ю. Сочинения. Т.1. М., 1988.
Лотман Ю.М. Текст в тексте // Ю.М. Лотман. Об искусстве. СПб., 1998.
Питерс Б. Прикладная этнолингвистика – это лингвокультурология, но лингвокультурология ли? // Жанры речи. 2017. № 1(15). С. 37–50.

С.С. Товстик

Студентка магистратуры

Алтайский государственный университет

Научный руководитель доктор филологических наук профессор Карпухина В.Н.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИНОПЕРЕВОДА

В статье рассматривается специфика передачи лингвокультурем в кинопереводе. Объект исследования – закадровый перевод телесериала «Доказанная невиновность» с английского языка на русский. Предмет исследования – культурно-специфическая информация в текстах оригинала и перевода. В результате анализа исходного кинотекста и сопоставления культурно-специфических единиц оригинала и перевода выявлены наиболее эффективные переводческие решения и пути повышения адекватности перевода соответствующих единиц.

Ключевые слова: лингвокультурология, киноперевод, закадровый перевод

S.S. Tovstik

Master's student

Altai State University

LINGUOCULTUROLOGICAL PECULIARITIES OF FILM TRANSLATION

The article describes the specific traits of rendering linguoculturemes in film translation. The research object is the “Proven Innocent” TV show voice-over translation from English into Russian. The culture-bound items of the source and target texts are the research subject. The source text analysis and the comparison of the culture-bound items of source and target texts have led to revealing the most effective translation solutions and ways of increasing the adequacy of translation of the items in question.

Keywords: cultural linguistics, film translation, voice-over translation.

Существует множество подходов к пониманию сущности перевода, но большинство ученых сходятся во мнении о том, что перевод представляет собой процесс преобразования исходного текста на языке оригинала в текст на языке перевода [Алексеева, 2012, с. 5; Бархударов, 1975, с. 11; Федоров, 2002, с. 10–11]. Ввиду различий языков переводчики вынуждены применять те или иные трансформации.

В то же время киноперевод предполагает работу с особым видом текста – кинотекстом. Помимо вербального компонента, кинотекст также содержит аудиальную и визуальную информацию. В связи с этим, при переводе кинотекста учитываются его отличительные особенности и могут использоваться специфические переводческие приемы, не характерные для работы с обычным текстом [Эко, 1998].

Помимо этого, стоит отметить, что в процессе перевода происходит не только перекодирование кинотекста и представление его на другом языке, но и перенос его в другую культурную среду. При этом изобилие в кинотексте культурно обусловленных единиц может создать для переводчика дополнительные трудности. Так, культурно-специфическая информация отражается во фразеологизмах, пословицах и поговорках,

метафорах и образах языка, стилистически окрашенных единицах, речевом поведении и др. [Маслова, 2001, с. 36].

Цель исследования – выявить специфику передачи лингвокультурных элементов в кинопереводе. Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать закадровый перевод телесериала «Доказанная невиновность» с английского языка на русский, сопоставить культурно-специфические единицы оригинала и перевода, выявить наиболее эффективные переводческие решения и пути повышения адекватности перевода соответствующих единиц.

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием киноиндустрии и ростом объемов аудиовизуального контента, требующего перевода. В свою очередь, адекватный перевод является одним из ключевых факторов успеха кинопродукции на международной арене. Кроме того, в настоящем исследовании киноперевод рассматривается с точки зрения современного лингвокультурологического подхода.

Научная значимость исследования состоит в возможности применения его результатов для более адекватной передачи лингвокультурных элементов в кинопереводе. С практической точки зрения это означает повышение качества перевода кинотекстов для зрителей, а также обеспечение коммерческого успеха для создателей кино и сериалов.

Объект исследования – закадровый перевод телесериала «Доказанная невиновность» с английского языка на русский. Предмет исследования – культурно-специфическая информация в текстах оригинала и перевода. Методы исследования: изучение и анализ научной литературы, отбор кинотекстов, сопоставление их оригиналов и переводов с точки зрения структуры, семантики и культурной составляющей, переводоведческая интерпретация результатов исследования.

«Доказанная невиновность» (англ. *Proven Innocent*) – американский телесериал, транслировавшийся на канале FOX в 2019 году. Главная героиня Мадлен Скотт испытала на себе ошибку правосудия: в 18 лет ее с братом осудили за убийство, которого они не совершали. После отмены приговора героиня решает бороться с подобной несправедливостью и отстаивает сторону тех людей, чьи дела вызывают сомнения. Естественно, у Мадлен появляются противники, главный из которых – прокурор, когда-то посадивший ее в тюрьму (Кинопоиск).

Обратимся к примерам передачи культурноспецифических элементов кинотекста оригинала в закадровом переводе, выполненном HD Rezka Studio. В отличие от дубляжа, закадровый перевод подразумевает сохранение оригинального звуоряда, в результате чего зритель слышит как оригинал, так и перевод одновременно [Кузьмичев, 2012, с. 142]. Кроме того, при закадровом озвучивании требования к совпадению артикуляции исходного и переводного кинотекста не столь строгие, поэтому исходный кинотекст претерпевает менее значительную компрессию и адаптацию, чем при дубляже.

Одна из подзащитных Мадлен тоже осуждена за убийство, которого не совершала. Ее зовут *Lucia*, но СМИ демонизируют героиню, называя *Luciferina*. В переводе имя осужденной передано как *Люсия*, а упоминания в прессе – как *Дьяволица*. При этом основной смысл такого именованья сохранен, но игра слов утрачена. Возможно, для ее полного воссоздания на ПЯ (переводном языке) следовало транскрибировать именованье как *Люциферина*. Тогда бы удалось сохранить отчетливую ассоциацию имени героини с одним из обозначений дьявола.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в случае с другой осужденной. Ее обвинили в убийстве приемной матери, в связи с чем СМИ, освещая ее дело, называли девушку *CinderHella*. В закадровой озвучке такое именованье передано нейтрально: *Золушка*. Однако очевиден вариант, точнее отражающий негативную оценочную коннотацию при сохранении отсылки к прецедентному тексту: *Злоушка*.

В одной из сцен главной героине удалось найти настоящего преступника, ему было некуда бежать. Безвыходная ситуация обозначается при помощи пространственной метафоры *end of the road* / *тупик*, распространенной как в ИЯ (исходном языке), так и ПЯ. При переводе данного фрагмента успешно подобрана метафора-эквивалент (см. таблицу 1), а также сохранена связанная с ней метафора в последующей реплике: *can't kill your way out* / *убийствами из него не выйти*.

Таблица 1.

You take me out, there's gonna be ten more tomorrow	Убьешь меня, завтра сюда придут ещё 10 человек,
and another ten the next day.	а затем ещё 10.
It's the end of the road.	Это тупик.
Can't kill your way out of this one.	Убийствами из него не выйти.
Says you, lady.	Это вы так думаете, дамочка.

Рассказывая о подробностях нашумевшего дела Мадлен для тех, кто о нем не слышал, журналистка использует литоту: *to the two people in the entire world who don't know...* / *для тех немногих, кто не знает....* В данном случае общий смысл фразы передан, однако перевод звучит нейтрально, тогда как в оригинале присутствовала определенная экспрессивная составляющая.

В следующем примере главная героиня объясняет свое желание вступить в конфронтацию с прокурором тем, что его образ в глазах общественности не соответствует действительности (см. таблицу 2). В этом фрагменте устойчивое сочетание с переносным значением *white knight* было переведено как *рыцарь на белом коне*, хотя, возможно, в данном контексте уместнее применить смысловое развитие: *защитник от зла / преступности*.

Таблица 2.

...any opportunity to show the world	... сейчас я пользуюсь любой возможностью
that our white knight state's attorney is really	показать, что прокурор – не рыцарь на белом коне,
a corrupt liar is an opportunity I'm eager to take.	а коррупционер и лжец.

Далее герои спорят о том, стоит ли все-таки открыто противостоять прокурору, и в подтверждение своих точек зрения ссылаются на прецедентные тексты (см. таблицу 3). Данные отсылки в закадровом озвучивании переведены буквально. Однако в первом случае речь идет не о пословице, а о притче из Библии (глава 29, стих 11), которая в синодальном переводе звучит следующим образом: *глупый весь гнев свой изливает, а мудрый сдерживает его* (Синодальный перевод Библии).

Во втором случае цитата из популярной песни также переведена дословно, тогда как фраза в последней строчке употребляется в переносном значении. Более естественно звучало бы выражение *третьего не дано*. Таким образом, при работе с отсылками предпочтительнее использовать уже имеющийся перевод известного текста [Карпухина, 2022, с. 76]. Если же перевода не существует, следует внимательно изучить цитату, чтобы должным образом передать ее смысл в переводе.

Таблица 3.

"Fools give rise to their rage, but the wise bring calm in the end." Proverbs.	«Глупцы поддаются гневу, а мудрецы остаются спокойными до конца». Пословица.
"I'm a sinner, I'm a saint, I do not feel ashamed." Meredith Brooks.	«Я грешница, я святая, мне не стыдно». Мередит Брукс.
"I'm your hell, I'm your dream."	«Я твой ад, я твоя мечта».
"I'm nothing in between."	«И ничего кроме».

Размышляя о намерениях прокурора, Мадлен использует метафору: *what is that snake up to?* В закадровом переводе удачно подобрано соответствие, обладающее схожим значением: *что у этого гада на уме?* Как на английском, так и на русском языке слово обладает денотативным значением *рептилия* и имеет негативную оценочную коннотацию. В оригинале это *человек, которому нельзя доверять*, в переводе – *человек, совершивший что-либо отвратительное, мерзкое*.

В одной из сцен коллега главной героини вновь сомневается в необходимости конфликта с прокурором, используя фразеологизм *poke the bear*. Мадлен при помощи метафоры говорит о том, что хочет разрушить идеальный образ оппонента и показать, кто он на самом деле. Обе реплики переведены дословно и звучат странно на ПЯ (см. таблицу 4). Хотя в данном контексте уместнее единственное число, и в оригинале прокурор сравнивается с более величественным животным, как вариант можно было использовать аналогичный фразеологизм на русском языке и преобразовать диалог так: *ты уверена, что стоит дразнить гусей? – Нет, думаю, пора их зарубить*.

Таблица 4

- Are you sure you want to poke the bear?	- Хочешь разбудить медведя?
- No, I want to rip his heart out.	- Нет, я хочу вырвать его сердце.

В следующем примере (таблица 5) журналист хочет обсудить с Мадлен дело одной из ее подзащитных, но та отказывается. Тогда он предлагает ей другой вариант, упоминая в речи престижную Пулитцеровскую премию. Метонимическое именование сохраняется и в переводе, что вполне оправдано, так как награда достаточно известна и в России.

Таблица 5.

How about I take you to dinner, and I give the story to somebody else?	Как насчет выпить со мной, а репортаж я передам кому-нибудь другому?
You would lose a story for a date?	Променяешь репортаж на свидание?
I would lose a Pulitzer for a date with you.	За свидание с тобой даже Пулитцер не жалко.

Когда Мадлен соглашается, журналист сообщает руководству о том, что контакт налажен, и получает задание добыть стоящую информацию (таблица 6). Разговорная речь персонажей удачно передана в закадровом переводе с использованием характерных для данного контекста лексем.

Таблица 6

I got a line on Madeline Scott.	У меня есть выход на Мадлен Скотт.
I love it. Bring me something good.	Круто. Нарой что-нибудь хорошее.

В одной из сцен для того, чтобы распугать хулиганов, персонаж кричит *Five-O!*, что на американском сленге означает *полицейский*. Такое обозначение появилось благодаря телесериалу «Отдел 5-0» в жанре полицейской драмы. Его сюжет повествовал об отделе полиции 50-го штата США, Гавайи. В закадровом переводе успешно подобрано функциональное соответствие из русскоязычного сленга: *легалый*.

В следующем примере судья говорит Мадлен, что ее аргумент не меняет сути дела, и предлагает привести другой при помощи аллюзии *tomayto – tomahto* к песне «Let's Call the Whole Thing Off» Эллы Фицджеральд и Луи Армстронга. В переводе отсылка опускается, а значение реплик судьи передается путем нейтрального описательного перевода. Тем не менее, далее удастся сохранить пространственную метафору, так как она свойственна обоим культурам.

Таблица 7.

You say tomato. I say next issue.	Следующий довод.
There is no next issue, Your Honor.	Следующего довода нет, Ваша честь.
Tomato, Ms. Scott. Next issue.	Без разницы, Мисс Скотт. Следующий аргумент.
Clock is ticking.	Ваше время на исходе.
Should we keep spinning our wheels, or should we move on down the road?	Будем буксовать на месте или двинемся дальше?
Happy to move on, Your Honor.	Будем рады двигаться вперед, Ваша честь.

Когда становится понятно, что сторона обвинения использовала недостоверные свидетельские показания, Мадлен указывает на недобросовестность прокурора, а судья одергивает ее. Диалог передан при помощи слов с подходящей стилистической коннотацией.

Таблица 8.

– No need to rub it in, Ms. Scott. – Even just a little?	– Не стоит ёрничать, Мисс Скотт. -- Даже немножко?
---	---

Затем Мадлен интересуется, сколько еще обвинительных приговоров основано на сфабрикованных показаниях. Прокурор подчеркивает, что не обязан отвечать на вопросы стороны защиты, но судья повторяет вопрос и ждет ответа. Теперь уже Мадлен произносит отсылку к популярной песне, обращаясь к прокурору: *you say tomato, I say to-mah-to*. В закадровой озвучке вновь представлен описательный перевод: *Вы думаете так, я иначе*.

Таким образом, перевод лингвокультурных элементов при помощи эквивалентных единиц ПЯ или функциональных соответствий позволяет максимально полно воссоздать коммуникативный эффект исходного кинотекста. Если же не удастся подыскать такие соответствия, переводчик вынужден прибегнуть к нейтрализации или экспликации. При этом часть визуальной или аудиальной информации кинотекста может быть преобразована в вербальную.

В случае несовпадения лингвокультурных единиц в разных языках следует избегать буквального перевода, так как многие лингвокультуремы обладают переносным значением. Дословная передача таких элементов приведет не только к утрате культурных отсылок, но и затруднит понимание кинотекста. Применение в таком случае смыслового развития или описательного перевода [Комиссаров, 1990, с. 172–186] будет более адекватным решением.

Следовательно, для наиболее точной интерпретации иноязычного кинотекста необходимо учитывать отличительные особенности такого текста, понимать специфику культуры-донора, а также обладать обширными знаниями о принимающей культуре. Это позволит уловить всю совокупность смыслов, заложенных в оригинальный кинотекст, и достоверно передать их, используя подходящие средства ПЯ.

Библиографический список

- Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.; СПб., 2012.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы частной и общей теории перевода. М., 1975.
- Карпухина В.Н. Стратегии передачи элементов интертекста при переводе / В.Н. Карпухина, Д.Р. Расулова, С.Д. Саитов // Языки и литература в поликультурном пространстве. Барнаул, 2022. № 8.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. М., 1990.
- Кузьмичев С.А. Перевод кинофильмов как отдельный вид перевода // Вестник МГЛУ. М., 2012. Вып. 9 (642).
- Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
- Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.; М., 2002.
- Эко У.К семиотическому анализу телевизионного сообщения [сокращ. пер. с англ. Дерябин А.А.]. 1998. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/eco.htm>

Источники

- Кинопоиск: Доказанная невиновность. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/1115573/>
- Синодальный перевод Библии. URL: <https://bible-teka.com/synodal/20/29/#11>

Чжао Цзин
Аспирантка
Алтайский государственный университет
Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор Т.В. Чернышова

КАТЕГОРИЯ РОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ФЕМИНИТИВЫ: ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Во многих языках мира есть грамматическая категория рода. Семантическая категория пола в русском языке тесно связана с морфологической категорией рода существительных. В статье рассматривается категория рода имен существительных, обозначающих лиц женского пола по должности, званию и профессии - феминитивов. Цель материала – обзор научных исследований, посвященных проблемам гендерной лингвистики в России и за рубежом с целью формирования понятий, актуальных для лингвистического изучения феминитивов.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, категория рода имен существительных, феминитивы.

Zhao Ching
Graduate student
Altai State University
Scientific director

GENDER CATEGORY IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND FEMINITIVES: TO THE STATEMENT OF THE PROBLEM

In many languages of the world there is a grammatical category of gender. The semantic category of gender in Russian is closely related to the morphological category of noun gender. The article deals with the category of gender of nouns denoting female persons by position, rank and profession – femininitives. The purpose of the material is to review scientific research on the problems of gender linguistics in Russia and abroad in order to form concepts that are relevant for the linguistic study of femininitives.

Key words: gender linguistics, category of gender of nouns, femininitives.

Категория рода в русском языке

Во многих языках мира есть грамматическая категория рода, например, слово *солнце* в арабском и немецком языках женского рода, а во французском и итальянском – мужского рода; слово *луна* в арабском и немецком – мужского рода, но в романских языках – женского рода. «Род – это словоклассифицирующая грамматическая категория русских предметных слов. Категория рода предметных слов проявляется через грамматические показатели согласуемых с ними словоформ русских атрибутивных слов, а также словоформ глагола изъявительного наклонения прошедшего времени и сослагательного наклонения» [Сичинава, 2011]. Принято считать, что категория рода является грамматической классификацией, лишенной в большинстве случаев реального смыслового содержания. Для неодушевленных существительных категории рода семантически не актуализирована.

«Имя существительное – это самостоятельная часть речи, отвечающая на вопросы *кто?* / *что?*, обозначающая предмет, выражающая категориальное грамматическое значение предметности в частных грамматических категориях рода, числа и падежа» [Ширяева, 2017, с. 594–597]. Категория рода имен существительных представлена тремя признаваемыми грамматическими значениями: мужского рода, женского рода и среднего рода. Есть также существительные общего рода, у которых категория рода определяется в контексте. «Категория рода связана с биологическим полом только у одушевленных существительных. В остальных случаях это грамматическая категория, не связанная с лексическим значением слова» [Анисимова, Кавинкина, 2008].

Экстралингвистический аспект исследования категории рода: обзор междисциплинарных направлений исследования

Междисциплинарные исследования, посвященные изучению того, как в грамматике естественного языка выражаются половые различия и как строится взаимосвязь между различием полов и оппозицией по грамматическому роду в тех языках, где эта категория существует, появились в США в 1960-х гг. XX века. Междисциплинарные гендерные исследования в России появляются в 70-е гг. XX века, однако, как отмечает А.А. Безрукова, отечественные гендерные исследования начинают развиваться только в конце 80-х–начале 90-х годов XX века, «когда стали возникать первые феминистские группы и независимые женские организации, а в журналах появились первые публикации и переводы статей по гендерной проблематике» [Безрукова, 2011].

В некоторых работах российских лингвистов представлен обзор гендерных исследований в России и за рубежом [Безрукова, 2011; Божанова, 2012; Рогожникова, Мелоян, 2021; Шкаликов, Нагорная, 2022].

Так, например, Н.Г. Божанова отмечает, что значительное расширение актуальной лингвистической проблематики гендерных исследований наблюдается во второй половине XX в., «что было обусловлено изменением подхода к языку как объекту изучения. Язык стал рассматриваться как антропоориентированный феномен, что способствовало росту междисциплинарного компонента в лингвистических исследованиях» благодаря развитию социолингвистики как направления языкознания. [Божанова, 2012, с. 71]. Также исследователь отмечает, что в настоящее время в отечественной лингвистике гендерные исследования развиваются достаточно интенсивно и ведутся по нескольким направлениям, среди которых «изучение представлений о гендере (концепты «мужественности» и «женственности», гендер на разных уровнях языка); гендерная специфика вербального и невербального коммуникативного акта; отражение гендерных стереотипов в социальном и языковом сознании» и др. [Божанова, 2012, с. 73].

Н.Г. Божанова, обобщая современные гендерные исследования российских и зарубежных лингвистов, отмечает, что они призывают изучать «взаимодействие языка и гендера в каждодневных социальных практиках конкретных местных сообществ», указывает на то, что «лингвистические составляющие гендера могут варьироваться в зависимости от сообщества, культуры и нации», а также подчеркивает, что невозможно рассматривать гендерные вопросы «в отрыве от других аспектов социальной идентичности. Отсюда следует понятие языкового конструирования гендера, в основе которого лежит идея о том, что высказывания определяются социальными отношениями», поэтому современные лингвистические исследования гендера не заканчиваются выявлением различий между женским и мужским языками, «но направлены на выяснение социокультурных норм и правил в каждом конкретно взятом сообществе или группе» [Божанова, 2012, с. 73].

Объектом нашего изучения являются феминитивы – номинации женщин по профессии и роду деятельности как семантически мотивированная и стилистически маркированная лексика, распространенная в современной русскоязычной речевой практике, а также все нарушения и отклонения ее от литературной нормы.

По мнению социологов, «Пол – это системная совокупность анатомо-физиологических особенностей, отличающих мужчину от женщины. Гендер – это социальный пол, социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин, зависящие не от биологических половых различий, а от социальной организации общества» [Пол и гендер].

Язык является свидетельством исторического развития нации. Через анализ уникальной риторики языка мы можем понять историю, географию, мораль, обычаи, культуру и многие другие характеристики нации. Почти во всех языках существует явление асимметрии, которая, с точки зрения гендера, проявляется в том, что в языке есть неодобрительные слова, а также уничижительные метафоры для характеристики мужчин и женщин. На этапе сбора языкового материала мы обнаружили, что эти слова также могут найти соответствующие китайские переводы. Такую лексику можно разделить на следующие виды:

Первый вид – это слова, связанные с женской «негативной» внешностью и внутренними качествами: «Корова»(母牛,母鹿)-“笨拙, 肥胖的女人”, «кувалда»(大锤)-“笨拙的胖女人”, «камелия»(山茶花)-“风流女子”, «кукла»(木偶,玩偶)-“没头脑的女人”, «сорока»(喜鹊)-“叽叽喳喳闲聊的女人”, «пигалица»(凤头麦鸡)-“矮瘦丑陋的女人”, «кубышка»(坛子)-“矮胖的女人”, «гусыня»(母鹅)-“天真不懂事的女孩”, «гадюка»(蝮蛇)-“悍妇”, «командирша»(指挥官的夫人)-“好发号施令的女人”, «пышка»(软炸糕)-“胖得溜圆的女人” и т.д.

Второй вид – устойчивые обороты, содержащие негативную характеристику женщины: «девичья память» (坏记性), «женская логика» (妇人之见), «девичий сон» (无稽之谈), «бабьи сказки» (无稽之谈) и т. д.

Третий вид – это фиксированное сочетание слов, представляющих женщин, поведение которых осуждается социумом: «базарная баба» (泼妇), «уличная женщина» (妓女), «публичная девушка» (妓女), «кисейная барышня»- 小姐, «женщина веселой жизни» (妓女), «серая девушка» (灰姑娘) и т.д.

Термин «маркированность», введенный пражскими лингвистами, который впервые предложил Николай Сергеевич Трубецкой в своей книге «Основы фонологии»: «Два члена коррелятивного противопоставления не являются равноправными. Один член обладает определенным признаком (или обладает им в его положительной форме), другой им не обладает (или обладает им в отрицательной форме). Мы обозначаем первый член как маркированный, второй – как немаркированный» [Трубецкой, 1958, с. 93]. В русском и китайском языках существуют такие два члена: местоимение женского рода обладает определенным признаком, местоимение мужского рода не обладает. «她 tā» (она) – личное местоимение, лицо женского пола, обычно используемое в современном китайском языке и относящееся исключительно к женщинам. Слово «她 tā» (она) появился только с ростом феминистского движения в 1920-х годах. В современном китайском языке «他 tā» (он) произносится так же, как и «她 tā» (она). «他 tā» (он) обычно используется для обозначения мужчин. Однако, когда пол неясен или нет необходимости различать, «他 tā» (он) относится только к общему, независимо от того, мужчина это или женщина. Например: «众里寻他千百度。蓦然回首，那人却在，灯火阑珊处» (辛弃疾《青玉案·元夕》) (Я искал её тысячу раз в толпе, но, когда я внезапно обернулся, я ненароком нашел ее там, где был приглушен свет). В этом китайском древнем стихотворении «他 tā» (он) заменяет «她 tā» (она). Это явление

существует и в русском языке. Притяжательное местоимение «его» принадлежащее или относящееся к тому, что выражено третьим лицом мужского рода и среднего родов, а притяжательное местоимение «её» принадлежащее или относящееся к тому, что только выражено третьим лицом женского рода.

Феминитивы в современном русском языке

Со второй половины XIX века существительные мужского рода в русском языке, обозначающие профессии, должности, положение и статус, стали употребляться не только для обозначения мужчин, но и для обозначения женщин. По замечанию Шкаликова М.М., Нагорной М.С., если «в конце XIX – начале XX вв. российские женщины имели доступ лишь к ограниченному числу видов профессиональной деятельности, а список запрещенных в России для женщин работ насчитывал 456 наименований, то в 2019 году Приказом Министерства труда и социальной защиты «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» данный перечень сократился до 100 профессий [Шкаликов, Нагорная, 2022, с. 68]. Таким образом, количество женских профессий, названия которых образовывались от мужских разными способами, начало увеличиваться.

Прежде всего нам нужно определиться с термином «феминитив» в русском языке. Как указывают Шкаликов М.М., Нагорная М.С., в лингвистике, на данный момент, не существует единого определения данного термина, поэтому авторы в своем исследовании рассматривают определения, содержащиеся в разных источниках, и формулируют на их основе авторское определение.

Авторы отмечают, что термин «феминитив» не встречается в первом томе «Русской Грамматики», изданном Институтом русского языка Академии наук СССР в 1980 г., однако в нем дается определение «существительным с модификационными значениями женскости, то есть с присоединенным суффиксом к основе мужского рода или абсолютной его заменой (*студент – студентка, слуга – служанка, черкес – черкешенка*)», а также *пионерка, воровка, портниха* и др., которые, как отмечают авторы, в настоящее время принято называть феминитивами [Шкаликов, Нагорная, 2022, с. 71]. Сам термин «феминитив» отмечен авторами в одной из отечественных работ 2013 года. Также они подчеркивают, что «большинство авторов выделяют изначальную форму слова мужского рода, от которого посредством применения служебной морфемы образуются существительные, применяемые к женщинам» [Шкаликов, Нагорная, 2022, с. 71]. Подобная точка зрения представлена в «Русской грамматике»: «... особую группу составляют феминитивы – имена существительные женского рода, образованные от однокоренных существительных мужского рода, парные им. В другой терминологии, это слова с модификационным значением женскости» [Русская грамматика, 2005, с. 199].

Однако одновременно с этим определением появляется и другое, гораздо более широкое по содержанию: «Исходя из данных трактовок, по мнению авторов, к феминитивам относятся не только те слова, которые были образованы от мужского коррелята, **но и самостоятельные единицы, такие как:** мать, дочь, тётя, бабушка, внучка и др.» [там же].

Таким образом, в более широком смысле к феминитивам относят все слова женского рода, в словообразовательном плане – слова, образованные от слов мужского рода. В узком смысле к феминитивам относят некоторые слова женского рода, отсутствующие в словарях и образованные от слов мужского рода по гендерному признаку: *докторка, авторка* и подобные.

Вслед за Шкаликовым М.М., Нагорной М.С. под феминитивами мы будем понимать «любые слова, обозначающие женщин, в том числе и производные, образованные от

мужского коррелята» [Шкаликов, Нагорная, 2022, с. 71].

Шкаликов М.М., Нагорная М.С. обращаются в своем исследовании к проблеме изучения феминитивов в разных странах.

Библиографический список

Анисимова Е.А., Кавинкина И.Н. Грамматика. Морфология. Именные части речи: учебное пособие. Гродно, 2008.

Безрукова А.А. Гендерные исследования в России: проблемы становления и развития // Новые технологии. 2011. № 1.

Божанова Н.Г. Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 5 (109), 2012. С. 69-74.

Рогожникова Т.П., Мелоян Т.Х. Феминитивы как объект обсуждения в социальной сети «ВКонтакте» (на материале групп vk.com/knife.media и vk.com/sysblok) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 4 (33). С. 88-92.

Русская грамматика / под ред. Е. А. Брызгунова и др. М. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2005. 709 с.

Пол и гендер. URL: <https://adolesmed.szgmu.ru/s/26/?m1=12>

Сичинава Д.В. Род. // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/%D0%A0%D0%BE%D0%B4>

Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой – Москва: Издательство иностранной литературы, 1960. 256 с.

Ширяева С.Н. Категория рода имени существительного // Молодой ученый. 2017. № 7 (141). С. 594–597. URL: <https://moluch.ru/archive/141/39838/>

Шкаликов М.М., Нагорная М.С. Феминитивы в русскоязычном коммуникативном пространстве современности: генезис и эволюция // Управление в современных системах. 2022. №4. С. 67–76.

Источники

Айкокуль Ибраева. «Здравствуйте, я ваша депутатка». Почему и как появились феминитивы? // Kloop. 15 мая 2021. URL: <https://kloop.kg/blog/2021/05/15/zdravstvujte-ya-vasha-deputatka-pochemu-i-kak-poyavilis-feminitivy/>

А.Д. Шабалин
Аспирант
Алтайский государственный университет
Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор В.Н. Карпухина

МЕДИАСТИЛЬ КАК МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК: НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрены изменения, происходящие с русским литературным языком в медиадискурсе. На примере материалов издания «Коммерсантъ» предпринята попытка охарактеризовать медиастиль как массовый литературный язык (Н. И. Клушина): медийную норму языка.

Ключевые слова: медиастиль, языковая норма, экология языка, Коммерсантъ, СМИ.

A.D. Shabalin
Graduate student
Altai State University

MEDIA STYLE AS A MASS STANDARD LANGUAGE: THE NORMATIVE ASPECT

The article discusses the changes of the Russian standard language in media discourse. By the example of the materials of the media “Kommersant”, an attempt is made to characterize the media style as a mass standard language (N. I. Klushina): the media norm of the language.

Key words: media style, language norm, ecology of language, Kommersant, mass media.

Проблема динамики языковой нормы в СМИ, в частности проблема медиалекта как медийного варианта литературного языка, привлекает внимание и лингвистов, и филологов [Басовская, 2022; Трошина, 2020; Дускаева, 2019; Сковородников, 2017; Марусенко, 2015].

Этот интерес вызван тем, что в условиях цифровой эпохи, основанной на медиатизации культурных процессов, оформляется и новая медийная разновидность стиля речи: медиастиль. Как отмечает Н.И. Клушина, «медиастиль, или медийный вариант языка, не совпадает с публицистическим стилем функциональной стилистики, он является репрезентацией всего литературного языка в медиа и языком современного информационного общества» [Клушина, 2021, с. 69]. Причем, если раньше нормативный характер литературному языку – основной, наддиалектной форме существования языка, характеризующейся большей или меньшей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации [Языкознание. БЭС, 1998, с. 270] – задавала литературоцентричность русской культуры, то сейчас уместнее говорить о ее медиацентричном характере, а следовательно, и медиацентричном характере языковой нормы в современных СМИ.

Чтобы зафиксировать динамику изменения этой, пока еще не кодифицированной, но стремительно оформляющейся нормы, целесообразно, на наш взгляд, обратиться к поэтике, например к теории словесности Б.В. Томашевского, считавшего, что «твердой границы между речью практической и литературой нет. Часто

мы фиксируем свою практическую речь, имеющую случайный и временный характер, по условиям ее передачи собеседнику» [Томашевский, 2023, с. 23]. В данном случае условиями, то есть каналом трансляции, выступает электронный носитель – интернет-портал, что накладывает свой отпечаток на содержание публикаций. С одной стороны, журналисты качественного издания неминуемо задействуют стилистические ресурсы литературного языка и тем самым создают его особую форму – медиалект. С другой стороны, они также используют средства кроссмедийной выразительности: систему вербальных, иконических, аудиальных и других экстралингвистических средств, значительно расширяющих понятие «медиастиль» [Шабалин, 2022, с. 195–198].

С целью показать вариативность медиастилья, то есть медийного варианта литературного языка, взято качественное издание «Коммерсантъ». Такой выбор объясним двумя причинами. Во-первых, это деловое СМИ, разделяющее факты и мнения. Во-вторых, «Коммерсантъ» имеет устоявшуюся журналистскую традицию (особенно по части придумывания заголовков), свой узнаваемый стиль. Единица анализа эмпирического материала: одна публикация. Всего рассмотрено пять статей, опубликованных с 25 по 28 октября 2022 г. В результате лингвистического и экстралингвистического анализов этих медиатекстов установлено:

I. Медиастиль издания «Коммерсантъ» имеет ярко выраженные черты официально-делового стиля, прежде всего точность и лаконичность изложения («следует из доклада», «говорится в документе», «речь идет о», «уточнили в компании», «гендиректор отметил» и др.). В то же время он допускает языковую игру (признак публицистического стиля), выстроенную, как правило, на обыгрывании самой темы и вынесенную в заголовок: «Неделя над пропастью», «Хоть всех святых выноси», «Навстречу серверной “Авроре”», «Пхеньян мутит Kyodo», «Нужно три-джи подумать». Причем языковая игра основана как минимум на трех лингвопоэтических приемах (признак стиля художественной литературы): аллюзия («Над пропастью во ржи»), фразеологизм («Хоть святых выноси»), каламбур (северная Аврора, мутит воду, трижды подумать).

II. Медиастиль издания «Коммерсантъ», помимо вербальных маркеров (заголовки, цитаты, авторство), содержит невербальные, прежде всего иконические (фотографии, гиперссылки, интерактивные кнопки). Эти средства кроссмедийной выразительности зависят от темы материала: «Черная суббота», или как Джон Ф. Кеннеди и Никита Хрущев помирились (ретроснимки); потребители потеряли интерес к празднованию Хэллоуина, российская ОС потребовала стратегических планов развития, Япония устала от ракетных экспериментов КНДР и говорит, что просто купит Tomahawk у США, отключение связи стандарта 3G в России откладывается (тематическая иллюстрация). Кроме того, для читателей предусмотрена обратная связь (кнопки «Обсудить», «Подписаться», «Поделиться»), показатель количества просмотров и время прочтения конкретного материала.

Таким образом, медиастиль издания «Коммерсантъ» сочетает черты разных стилей: официально-делового, публицистического, стиля художественной литературы. Он также включает средства кроссмедийной выразительности, куда входят не только вербальные, но и экстралингвистические элементы: фотографии, гиперссылки, интерактивные кнопки и пр.

Рассмотрение медиастилья в нормативном аспекте дает возможность зафиксировать стилевые особенности именно медиатекста, описать его, выражаясь словами Михаила Михайловича Бахтина, полифоническую суть. Но справедливо и то, что «живой литературный язык не должен быть “вполне нормативным и не быть неправильным”» [Степанов, 1997, с. 718]. То же самое, пожалуй, можно сказать и о медийном варианте литературного языка.

Библиографический список

- Басовская Е.Н. Узуальные ошибки в СМИ и формирование медиастандарта // Знак: проблемное поле медиаобразования. Челябинск, 2022.
- Дускаева Л.Р. Стилистический анализ в медиалингвистике. М., 2019.
- Клушина Н.И. Медиастилистика. М., 2021.
- Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. М., 2015.
- Сковородников А.П. Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов. М., 2017.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 2004.
- Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 2023.
- Трошина Н.Н. Экология языка. М., 2020.
- Шабалин А.Д. Эстетика медиатекста: лингвосемиотическое осмысление журналистских практик (на примере материалов Arzamas.Academy) // Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Л.А. Араевой. Под общей редакцией Н.В. Мельник. Кемерово, 2022.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДЕБЮТЫ

Х. Н. угли Самадов

Магистрант

Алтайский государственный университет

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор Т.В. Чернышова

ФУНКЦИИ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧАСТОТНОГО СЛОВАРЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена изучению и описанию лингвостилистических признаков, ставших основой формирования зооморфных метафор тематической подгруппы «Домашние животные» как части культуры, тесно связанной с традициями народа и языковой компетенцией носителя языка. Экспрессивный потенциал зооморфизмов, функционирующих в современных русскоязычных текстах, описан с учетом данных электронного ресурса сайта КАРТАСЛОВ.РУ (Карта слов и выражений русского языка), с помощью которого выявлены прямые и переносные значения анализируемых слов; синонимы и сходные по смыслу выражения, их сочетаемость в русском языке, словесные ассоциации и толкования значений по разным словарным источникам.

Ключевые слова: языковая картина мира, зооморфизмы, прямое и переносное значение, функция.

H.N. Samadov

Master student

Altai State University

Scientific adviser профессор Т.В. Chernyshova

FUNCTIONS OF ZOOMORPHIC METAPHOR IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE (BY THE MATERIAL OF THE FREQUENCY DICTIONARY OF THE NATIONAL CORPORATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

The article is devoted to the study and description of linguo-stylistic features that became the basis for the formation of zoomorphic metaphors of the thematic subgroup "Pets" as part of a culture closely related to the traditions of the people and the linguistic competence of a native speaker. The expressive potential of zoomorphisms functioning in modern Russian-language texts is described taking into account the data of the electronic resource of the site KARTASLOV.RU (Map of words and expressions of the Russian language), with the help of which the direct and figurative meanings of the analyzed words are revealed; synonyms and expressions similar in meaning, their compatibility in the Russian language, word associations and interpretations of meanings from different dictionary sources.

Keywords: language picture of the world, zoomorphisms, direct and figurative meaning, function.

Объектом нашего изучения является **зооморфная метафора** (зооморфизмы) – это такой вид метафоры, который обладает уникальным свойством перенесения отрицательного или положительного качества животного, подмеченного или выдуманного человеком, на людей, животных, а также предметы окружающей действительности. Как отмечает исследователь Л.Н. Тыбыкова, «Зооморфизмами мы называем метафорические лексико-семантические варианты зоосемизмов, т. е. названия животных, проецируемые на человека, характеризующие и оценивающие его под разными углами зрения, например, змея – о коварном человеке, овца – о кротком и смирном человеке. Зооморфизмы широко используются в качестве оценочных личностных характеристик во многих языках мира» [Тыбыкова, 2015, с. 235]. Как правило, в языке зооморфизмы выражают эмоциональную оценку состояния, действий человека, его внешнего облика и манеры поведения.

Объектом активного лингвистического изучения в разных европейских языках зооморфизмы стали в 70-е гг. XX в.: английском [Литвин, 1974; 1975], немецком [Кудрявцева, 1979], русском [Рыжкина, 2009]. В последнее время наблюдается большой интерес к зооморфизмам в русском [Кожевникова, Петрова, 2000], казахском [Сансызбаева, 2000], алтайском [Тыбыкова, 2006; 2007; 2008] языках (цит. по [Тыбыкова, 2015, с. 235]). Такой интерес исследователей к зооморфным метафорам не случаен.

По мнению исследователей, еще в древности различные народы создавали мифы о животных, в которых прослеживалось их сопоставление с людьми. Уступая животным в силе, ловкости и скорости, человек мог выжить только за счёт своего интеллектуального преимущества. Этот процесс постоянный и закономерный. Перенос наименований с животного на человека, предметы и абстрактные понятия являются составной частью этого процесса, что и обуславливает актуальность данной работы. Актуальность работы обусловлена также непреходящим стремлением исследовать языковую картину мира конкретного языка как части его культуры, тесно связанную с традициями народа и языковой компетенцией носителя языка. По замечанию исследователей, «...зооморфизмы отражают многовековой опыт наблюдения конкретного этноса над животными и птицами, обитающими в конкретной местности. Также они обладают национально-культурным содержанием, а это значит, что зооморфизмы в языке могут выражать характеристики людей, принадлежащих именно к этому этносу и выявлять элементы культуры данной группы людей» (Система зооморфизмов в финском языке).

Кроме этого, группа метафор, связанная с переносом значением с животного на человека, предметы, абстрактные понятия – немаловажная часть лексики современного русского языка, характеризующаяся частотой употребления и принадлежностью к активному языковому запасу, что и определяет её несомненное как **теоретическое**, так и **практическое значение**.

Цель исследования состоит в изучении и описании лингвистических признаков, ставших основой формирования зооморфных метафор тематических подгрупп «Домашние животные» с точки зрения семантико-прагматического и стилистического подходов.

В соответствии с поставленной целью определяются следующие **задачи исследования**:

1) познакомиться с литературой и по изучаемой проблеме:

- статьями по лексикологии, лексикографии и фразеологии, в частности, по изучению процессов метафоризации;
- лингвистическими исследованиями, посвященными изучению зооморфных метафор в современных текстах;

- 2) с опорой на изученные источники выявить круг наиболее частотных зооморфизмов, функционирующих в текстах современного русского языка;
- 3) изучить стилистические значения зооморфизмов с точки зрения групп производящих слов-зоонимов;
- 4) представить классификацию антропологических признаков, актуализированных в языке и в современном речевом употреблении;
- 5) выявить языкостилевые и этноспецифические закономерности в формировании и развитии коннотативного потенциала зоонимов современного русского языка;
- 6) описать экспрессивный потенциал зооморфизмов, функционирующих в современных русскоязычных текстах.

Материал исследования. На основании изученных научных и словарных источников был сформирован перечень зооморфизмов, наиболее употребительных в русском языке, в который вошли следующие лексемы: СОБАКА, СВИНЬЯ, ОВЦА, КОНЬ, КОШКА, КОРОВА, ЛОШАДЬ, КОЗА, КОБЫЛА, МЫШЬ, ПЕС, ТЕЛЕНОК, КОЗЕЛ, БЫК, КОТ, ПОРОСЕНОК, БАРАН [Система зооморфизмов в финском языке].

Методы исследования. Для решения поставленных задач используются метод научного описания, приемы стилистического и текстового анализа, прием статистических подсчетов, анкетирование. Также с целью описания исследуемых зооморфизмов использован электронный ресурс сайта КАРТАСЛОВ.РУ – Карта слов и выражений русского языка (<https://kartaslov.ru/>), с помощью которого каждая выделенная лексема была охарактеризована с помощью следующих параметров:

- 1) Прямые и переносные значения анализируемых слов; синонимы и сходные по смыслу выражения;
- 2) сочетаемость слов русского языка;
- 3) примеры употребления слов и словосочетаний в контексте;
- 4) цитаты из русской классики, содержащие интересующие вас слова и выражения русского языка;
- 5) сеть словесных ассоциаций;
- 6) толкования слов и устойчивых выражений (<https://kartaslov.ru/>)

Методика анализа

На первом этапе исследования каждое из отобранных слов анализировалось в системе КАРТАСЛОВ.РУ с целью выявления спектра его переносных значений в русском языке.

Проиллюстрируем работу этого ресурса на примере лексемы 'СОБАКА':

Значение слова «собака»

- СОБА́КА, -и, жс.

«1. Домашнее животное семейства псовых, родственное волку, используемое человеком для охраны, на охоте, в упряжке (на Севере) и т. п. *Цепная собака. Служебная собака. Охотничья собака. За дверью заскреблась и заскулила собака – она требовала, чтобы ее впустили. Анфиса встала, открыла дверь. В комнату вошла – кривоногая такса с недовольной мордой.* Паустовский, Повесть о лесах.

2. *Просторечное.* Употребляется как бранное слово. – *Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке. Пушкин, Капитанская дочка.* – Кулаком правду не убьешь! — крикнул Рыбин, наступая на него. — И бить меня не имеешь права, собака ты паршивая! М. Горький, Мать.

3. *Просторечное.* Употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-л. – *Он малый ловкий. И, нечего сказать, учен, Учен, собака!* Полонский, Свежее преданье. – *Ах, собака, что делает!* — одобряли пляску зрители. Скиталец, Огарки (Словарь русского языка, 1999)» (<https://kartaslov.ru/>).

На основании полученных данных было установлено, что зооморфизм «собака» относится к русскому экспрессивному просторечию и может употребляться в прямо противоположных переносных значениях: **как бранное слово** и **как выражение одобрения, восхищения** кем-л.

Также были выделены переносные значения лексемы «собака», зафиксированные в других словарях:

1. Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940):

«3. *перен.* Хищник, насильник (ритор. бран.). *Кровавые собаки империализма.*

4. *перен.* Негодяй, презренный человек; употр. также вместо ругательств *сукин сын, чорт* и т. п. (простореч. бран.). *Собаке собачья смерть.* Поговорка. *Ведь не бьет, собака, наотмашь, а тычет кулачищем прямо в рожу.* Сухово-Кобылин. – «*Буду лаской согреть!*» *Хорошо поет, собака, убедительно поет!* Некрасов. ♢».

На основе проведенного анализа сделан вывод об экспрессивном потенциале зооморфизма 'СОБАКА' в русском языке:

1) Относится к просторечному фонду русского языка,

2) Используется с целью выражения эмоционального отношения говорящего к субъекту оценки;

3) Может выражать как положительную, так и отрицательную оценку личности человека;

4) Наиболее ярко негативный потенциал зооморфизма 'СОБАКА' реализуется в бранной и риторической бранной речи (например, в политической публицистике): 3. Хищник, насильник (ритор. бран.). *Кровавые собаки империализма.*

4. *перен. Негодяй, презренный человек;* употр. также вместо ругательств *сукин сын, чорт* и т. п. (простореч. бран.).

На втором этапе исследования предполагается сопоставительная характеристика выделенных значений отобранных для анализа зооморфизмов с целью выявления их стилистической градации по шкале «положительное» – «отрицательное».

На третьем этапе планируется проведение лингвистического эксперимента в форме анкетирования для проверки данных, полученных в ходе лингвистического анализа материала.

Библиографический список

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. М.: Языки русской культуры, 2000. Вып. 1: Птицы.

Кудрявцева И.А. Образно-экспрессивные лексико-семантические варианты существительного *wurm* (червяк) // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск, 1979. Вып. 10. С. 83–88.

Литвин Ф.А. Об изучении разновидности зооморфных характеристик (на материале английского языка) // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск, 1974. Вып. 5. С. 81–92.

Литвин Ф.А. Зооморфизмы в синтаксической позиции определения (на материале английского языка) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1975. Вып. 4. С. 20–28.

Рыжкина О.А., Чакыроглу С. Исследование зоонимических метафор в русской и турецкой лингвокультурах (предварительные данные) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Т. 7. Вып. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-zoonimicheskikh-metafor-v-russkoy-i-turetskoy-lingvokulturah-predvaritelnye-dannye/viewer>

Сансызбаева С. К. Казахско-русский словарь зооморфных характеристик человека. Алма-Аты, 2000.

Система зооморфизмов в финском языке. URL: <https://f-uffu.udsu.ru/Suomikeskus/poznavatelnoe-o-finlyandii-i-finskom-yazyke/o-finskom-yazyke/sistema-zoomorfizmov-v-finskom-yazyke>

Тыбыкова Л. Н. Специфика зооморфных образов пѣтѣукъ 'петух' и такаа 'курица' в алтайском языке // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 235–240.

Якубова Д.Р. Использование зооморфных метафор в тексте на примере романа Бруно Апитца «Голый среди волков» // Молодой ученый. 2020. № 2 (292). С. 371-375. URL: <https://moluch.ru/archive/292/66109/>

Электронные источники

Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия). Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/18/us432902.htm?cmd=0&istext=1>

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940). Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/18/us432902.htm?cmd=0&istext=1>

URL: <https://kartaslov.ru/>

Раздел 2. Литературоведение

В. В. Десятов

*Доктор филологических наук, профессор
Алтайский государственный университет*

ШУКШИНСКИЙ СЛОЙ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В РОМАНАХ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН», «ЧАГИН»

В романе Водолазкина «Брисбен» имеется персонаж, напоминающий главного героя «Калины красной» Егора Прокудина. Обыгрывая вслед за В.М. Шукшиным имя Егора Прокудина, Водолазкин прибегает не только к аллитерации, но и к параграмме, позволяющим автору «Брисбена» расширить круг ассоциативных значений. Гибель Егора от рук бандита в «Брисбене» делает аллюзию на фильм Шукшина вполне прозрачной. Этот же фильм актуализируется в романе Водолазкина «Чагин». Однако на поверхность текста шукшинский слой реминисценций выходит лишь в финале романа, содержащем отсылку к рассказу Шукшина «Чудик». Делается вывод о том, что творчество В.М. Шукшина не утрачивает своей актуальности, в диалог с писателем вступает один из общепризнанных лидеров

современной русской прозы.

Ключевые слова: реминисценции, аллюзии, Е.Г. Водолазкин, В.М. Шукшин, «Калина красная», «Чудик»

V.V. Desyatov

*Doctor of philology, professor
Altai State University*

SHUKSHIN'S REMINISCENCES IN THE NOVELS "BRISBANE", "CHAGIN" BY E.G. VODOLAZKIN

In Vodolazkin's novel "Brisbane" there is a character resembling the main character of "Snowball Berry Red", Yegor Prokudin. Playing, after V.M. Shukshin, with the name of Yegor Prokudin, Vodolazkin uses not only an alliteration, but also a paragram that allows the author of "Brisbane" to expand the range of associative meanings. Yegor's death at the hands of a bandit in "Brisbane" makes the allusion to Shukshin's film quite transparent. The same film is actualized in Vodolazkin's novel "Chagin". However, the Shukshin's reminiscences come to the surface of the text only on the last pages of "Chagin", which contain a reference to Shukshin's short story "Quirky". It is concluded that the works of V.M. Shukshin do not lose its relevance, one of the universally recognized leaders of modern Russian prose enters into a dialogue with the writer.

Keywords: reminiscences, allusions, E.G. Vodolazkin, V.M. Shukshin, "Snowball Berry Red", "Quirky".

В число современных авторов, проявляющих интерес к творчеству В.М. Шукшина,

входит Е.Г. Водолазкин. Он принял участие в круглом столе, проведенном журналом «Вопросы литературы» и посвященном 90-летию со дня рождения писателя [Водолазкин и др. 2019]. Шукшин интересуется Водолазкиным и как писателем, и как кинематографистом.

В романе Водолазкина «Брисбен» (2019) имеется персонаж, напоминающий Егора Прокудина. Его тоже зовут Егор, он тоже преступник и тоже погибает от рук «своих» (бандитов) в тот момент, когда совершает самостоятельный нравственный выбор. Заимствуя имя героя «Калины красной», Водолазкин принимает во внимание и значение фамилии Прокудин, которое благодаря фильму стало ассоциироваться у современников Шукшина с его творчеством. В четырехтомном «Словаре русского языка», изданном в первой половине 1980-х годов, слово «прокуда» толкуется как «проказник, проказница» и иллюстрируется цитатой из рассказа Шукшина «Земляки»: «— Брат у меня был, Гринька, — тот прокуда был» [Словарь русского языка, т. 3, 1984, с. 497]. Слово «проказник» связывается, как правило, с темой детства. Егор Водолазкина и начинает свои «проказы» в детские годы. Но он — персонаж куда более страшный, чем Егор Прокудин. В возрасте десяти лет герой «Брисбена» хладнокровно ударил мальчика из соседнего двора кочергой по голове. Слово «*кочерга*» в этом фрагменте текста (Е.Г. Водолазкин 2020, с. 68) повторяется много раз, подчеркивая аллитеративную соотнесенность с именем Егор. Шукшин в номинации своего героя воспользовался анаграммой: прозвище Егора — Горе. Это слово, во-первых, намекает на внешние причины печальной судьбы Егора (ср. устойчивые выражения «горе мыкать», «хлебнуть горя»): «Да вот... горе у меня! Один на земле остался, не знаю, куда деваться» (В.М. Шукшин 2009, т. 6, с. 206). Во-вторых, оно используется автором «Калины красной» как сочувственно-согласительное обращение: «— Горе ты мое!.. Я тебя сегодня во сне видала...» (В.М. Шукшин 2009, т. 6, с. 205). Водолазкин, обыгрывая имя Егора иначе, прибегает не только к аллитерации, но и к параграмме, позволяющим автору «Брисбена» расширить круг ассоциативных значений. Слово «кочерга» стало в русском языке частью совершенно иного устойчивого речения, чем те, в которые входит слово «горе»: «Ни Богу свечка, ни черту кочерга», — речения, также вошедшего в упомянутый выше словарь [Словарь русского языка, т. 2, 1984, с. 117]. На традиционный образ черта намекает и обратное прочтение имени Егор (рог). Водолазкин не чужд подобной словесной игры в определенных контекстах. Например, в «Оправдании Острова» фигурирует антигерой под анаграмматическим именем *Атанас* (Е.Г. Водолазкин 2021, с. 149).

Неслучайность этих ассоциаций подтверждается в «Брисбене» далее. Егор играет роль змея-искусителя, предлагая Глебу прогулять уроки. Начавшись нестрашным детским проступком (каковым современному человеку нередко представляется и похищение первыми людьми запретного плода, символическим аналогом которого в этом эпизоде выступают каштаны), глава заканчивается жутким сюжетом с проломленным черепом: из окна верхнего этажа Егор сбрасывает на голову человека массивную гранитную пепельницу (Е.Г. Водолазкин 2021, с. 75–79). Имплицитной отсылкой к библейской истории грехопадения служит и подразумеваемая параграмма ЕГоР / ГРЕх. Подтверждения этих догадок читателю романа не приходится ждать долго: Глеб влюбляется в одноклассницу Валю Адаменко: «На линейке Глеб рассматривал едва различимые волоски на нежной коже Валиного лица — не волоски даже, а легчайший пух вроде того, что покрывает персик. При мысли о персике он неожиданно подумал о совершенно запретном, и его накрыла теплая и влажная волна. Он испытал это впервые, как испытал Адам, съев — нет, не персик — яблоко» (Е.Г. Водолазкин 2021, с. 90).

По мнению Евгения Водолазкина, источник зла в человеке — не столько внешние обстоятельства, сколько внутреннее несовершенство. Слушая историю Адама, маленький Глеб «всякий раз спрашивал» бабушку, «отчего это так строго они с Евой

были наказаны за яблоко» (Е.Г. Водолазкин 2021, с. 90). Но автором «Брисбена» ответ на этот вопрос уже дан.

Ревнуя и завидуя, Егор пытается убить своего новорожденного брата (Е.Г. Водолазкин 2020, с. 87–880, что соотносит героя и с Каином. Сюжетная линия Егора включает аллюзии на целый ряд знаменитых историй преступлений: грехопадение, братоубийство Каина, убийства с помощью змеи в рассказе А. Конан Дойла «Пестрая лента» – к этому претексту отсылает имя Шерлока Холмса и образ кочерги (Е.Г. Водолазкин 2020, с. 68), «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского (интертекстуальный сигнал – повторяющийся глагол «переступить» (Е.Г. Водолазкин 2020, с. 79), а также, возможно, фильм о детстве Антихриста «Предзнаменование» («Омен», 1976, реж. Ричард Доннер), актуализирующийся в эпизоде покушения ребенка на убийство брата и в предположении Глеба о том, что Егор – подкидыш. В результате образ Егора приобретает темный и зловещий мистический¹ ореол, окончательному формированию которого мешает эпизод гибели персонажа. Во время последней встречи с Глебом Егор становится его спасителем и платит за это, как понимает Глеб, своей жизнью (Е.Г. Водолазкин 2020, с. 302–314). Гибель Егора от рук бандита делает аллюзию на фильм Шукшина вполне прозрачной. Благодаря ей персонаж, казавшийся фигурой едва ли не мистической, очеловечивается и вызывает сочувствие. Спасая Глеба, Егор ведет себя бесстрашно, поэтому в его имени проявляется еще одна параграмма – герой.

Этот же фильм Шукшина актуализируется в новом романе Водолазкина «Чагин» (2022). Вернувшемуся из мест лишения свободы Вельскому его странный «двойник» (Е.Г. Водолазкин 2022, с. 296) советует: *«Главное – радуйтесь. Вам радости не хватает. <...>*

Вельский закрыл лицо руками, и было неясно, смеется он или плачет. Из-под его ладоней пробивались приглушенные, сплюснутые слова:

– Радости не хватает – вот оно как. <...> Пока был на зоне – надеялся... Думал, жизнь как-то изменится. А когда вернулся – такая безнадега! – Вельский взялся за завязки ушанки и натянул ее до самых бровей. – И что теперь делать? Радоваться? Радоваться...» (Е.Г. Водолазкин 2022, с. 298).

В начале фильма и киноповести «Калина красная» Егор Прокудин выходит из тюрьмы. Разговор о радости происходит у Егора с водителем такси:

«– Рад? – спросил шофер.

– Рад? – очнулся Егор. – Рад... <...> А ты умеешь радоваться? – Егор от полноты чувства мог иногда взбежать повыше – где обитают слова красивые и пустые. – Умеешь, нет? <...>

– А чего радоваться-то? <...>

– Ну, это я, брат, не знаю – чего радоваться, – заговорил Егор, с неохотой возвращаясь из своего далекого далека. Умеешь – радуйся, не умеешь – сиди так» (В.М. Шукшин 2009, т. 6, с. 202–203).

Шукшинский слой реминисценций выходит на поверхность текста в одной из последних глав романа «Чагин»: *«Однажды Исидор (он очень стеснялся) спросил Веру, любила ли она его. Вера ответила, что любила и любит. Но Исидору (вот она, любовь 78-летних!) было еще важно выяснить, за что именно. <...>*

– За что? – Вера взлохматила ему волосы. – За то, что ты был первоклассным чудиком.

И, представляешь, мне кажется, я впервые видела Исидора обиженным! Он тут же сменил тему, но совершенно точно был обижен. Это заметила и Вера. Она мне подмигнула» (Е.Г. Водолазкин 2022, с. 369).

¹ Созданию такой атмосферы способствует и прямое упоминание гоголевского Вия в сцене детской игры в жмурки (завершающейся ударом кочергой по голове): «Тот, кто жмурился, открывал глаза, уподобляясь Вию» (Е.Г. Водолазкин 2020, с. 67).

Обида Чагина – нередкая реакция сибиряков (Чагин – уроженец Иркутска) на восприятие их жителями городов столичных (Вера родилась в Ленинграде) как шукшинских «чудиков». Фрагмент восходит к началу знаменитого рассказа Шукшина: *«Жена называла его – Чудик. Иногда ласково»* (В.М. Шукшин 2009, т. 3, с. 114). Но обида Чагина обусловлена, возможно, и другой причиной. Вот последние предложения рассказа «Чудик», характеризующие главного героя: *«Обожал сыщиков и собак. В детстве мечтал быть шпионом»* (В.М. Шукшин 2009, т. 3, с. 121).

Чагин никогда сыщиков не любил и шпионом стать не мечтал, однако совершил в молодости трагическую ошибку, став осведомителем. Международным агентом воображает Чагина один из его вербовщиков – утрачивающий адекватность Николай Иванович, причем этой фантазии посвящена едва ли не четверть романа Водолазкина (одна из четырех частей). Чагин далеко не столь наивен и гораздо более эрудирован, чем Чудик, но с персонажем Шукшина его сближает доброта и, собственно, чудаковатость, ставящая Чагина в один ряд с «чудилой» Николаем Ивановичем и «чудаковатым немцем» Генрихом Шлиманом, которые Водолазкину, несомненно, симпатичны.

Как видим, творчество В.М. Шукшина не утрачивает актуальности, в диалог с писателем вступает один из общепризнанных лидеров современной русской прозы.

Библиографический список

Водолазкин Е.Г. и др. Судьба. Характер. Исповедь. Круглый стол к 90-летию Василия Шукшина. Подготовка текста и публикация П. Глушакowa // Вопросы литературы. 2019. № 3. С. 12-41. URL: <https://voplit.ru/article/sudba-harakter-ispoved-kruglyj-stol-k-90-letiyu-vasiliya-shukshina-podgotovka-teksta-i-publikatsiya-p-glushakova/>
Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 3. М., 1984.

Источники

Водолазкин Е. Брисбен. М., 2020.

Водолазкин Е. Оправдание Острова. М., 2021.

Водолазкин Е. Чагин. М., 2022.

Шукшин В.М. Собр. соч.: В 8 томах / под общей ред. О.Г. Левашовой. Барнаул, 2009.

О. Н. Краснова

Аспирант

Алтайский государственный университет

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор М.П. Гребнева

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РАСКРЫТИЯ ГЛУБИННЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ОБРАЗА
ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ «БЕДНОЙ ЛИЗЫ» Н.М. КАРАМЗИНА**

Междисциплинарная статья на стыке литературоведения, психологии, лингвистики посвящена рассмотрению процесса смыслообразования, ведущего к глубинным художественно-психологическим свойствам образа повествователя и сопряжённым с ними свойствам героев. Исследуются синтаксические средства, способствующие раскрытию указанных свойств: контекстуальная осцилляция значений составного подчинительного союза в придаточном предложении; художественно-психологическое «уравновешивание» однородных членов предложения; зеркальное употребление отрицательной частицы «нет» в репликах диалога; многоточие, маркирующее обрыв речи на фоне ясно обозначенной мысли – генерализации. Описываются

приёмы привлечения внимания читателя к художественно-психологическим свойствам героев.

Ключевые слова: синтаксические средства, повествователь, процесс смыслообразования, осцилляция значений, синтаксическое и художественно-психологическое «уравновешивание», диалог, обрыв речи, выборочное умолчание, перенос скрытого намерения героя на другое лицо.

O. N. Krasnova

Graduate student

Altai State University

**SYNTACTIC MEANS OF REVEALING THE DEEP ARTISTIC AND PSYCHOLOGICAL PROPERTIES
OF THE IMAGE OF THE NARRATOR OF "POOR LIZA"**

An interdisciplinary article at the intersection of literary criticism, psychology, linguistics is devoted to the consideration of the process of meaning, leading to the deep artistic and psychological properties of the image of the narrator and the properties of the heroes associated with them. Syntactic means are investigated that contribute to the disclosure of these properties: contextual oscillation of the values of the composite subordinate union in the subordinate clause; artistic and psychological "balancing" of homogeneous members of the sentence; mirror use of the negative particle "no" in the replicas of the dialogue; ellipsis, marking the break of speech against the background of clearly indicated thought - generalization. Methods of drawing attention of the reader to art and psychological properties of heroes are described.

Keywords: syntactic means, narrator, process of meaning formation, oscillation of values, syntactic and artistic-psychological "balancing," dialogue, break of speech, mirror use of negative particle "no," selective silence, transfer of hidden intention of hero to another person.

Исследования синтаксического уровня текста, восходящие к трудам А.А. Потебни, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.В. Чичерина, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, В.Г. Адмони, О. Есперсена, Ш. Балли, актуальны и сегодня. Изучается роль словосочетаний, членов предложения, синтаксических конструкций, знаков препинания, структуры предложения в аспекте текстообразования, а также как стилистического средства (М.Г. Акперова, И.А. Никандрова, С.В. Амвросова, С.И. Клецкая, Ю.А. Богатова, Н.Е. Булаева, Е.И. Махрова, Н.Н. Остринская, А.Т. Давлетьярова, Е.Н. Рожкова); формирования идиостиля (Н.Д. Арутюнова, А.А. Лебедев, А.М. Коняшкин, Т.В. Бабиан, М.В. Самофалова, Н.М. Бобро); текстовой прагматики (М.Г. Ильина, Л.В. Шиловская, И.С. Баженова); интерпретации текста (О.М. Филатова, А.В. Громова, Е.А. Петрова); репрезентации языковой личности персонажа (К.Б. Бабаева, Е.В. Антонова, Т.М. Колокольцева, Н.А. Серебрякова, Е.М. Образцова, О.В. Шаталова).

Актуальной тенденцией является исследование художественно-психологических аспектов текста с помощью анализа его синтаксической составляющей: выявление имплицитных смыслов (Н.Ю. Ключева, Н.В. Пушкарёва); авторского замысла, позиции (Т.В. Пермякова, Ф.С. Андросова, Е.В. Каменская, З.Я. Омаева, М.Ю. Сидорова).

Особую роль в этом играют междисциплинарные исследования на стыке литературоведения и лингвистики, психосемантики, психолингвистики, эмотивного синтаксиса, коммуникативного синтаксиса, семантического синтаксиса.

Предпринятое нами исследование является междисциплинарным на стыке литературоведения, психологии, лингвистики, так как названный подход позволяет проследить процесс смыслообразования глубинных художественно-психологических свойств образа повествователя, а также связанных с ними свойств героев. Нами будут рассмотрены средства синтаксического уровня текста, раскрывающие указанные свойства; способы привлечения к ним читательского внимания.

1. Контекстуальная осцилляция значений составного подчинительного союза в придаточном предложении: *«Молодой человек не хотел удерживать ее, может быть, для того, что мимоходящие начали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехались»* (Н.М. Карамзин. 1984. С. 509)². В придаточном предложении причины, присоединённом характерным для Карамзина союзом «для того, что» в значении «по причине», «из-за того, что» даётся объяснение поведения Эраста, не желающего привлечения внимания со стороны случайных прохожих.

Наряду с приведённым значением союза в контексте возникает и эстетически осциллирует другое значение за счёт семантизации художественно-психологических отношений между коррелятами. Они складываются по финитивному типу³, что способствует актуализации текстовой ситуации целеполагания. С учётом применения необходимого приёма логико-грамматической трансформации фраза могла бы выглядеть так: *«Молодой человек не хотел удерживать ее, может быть, для того чтобы мимоходящие перестали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехаться»*.

Итак, в процессе контекстуальной осцилляции происходит не только расширение семантики союза, но и её сдвиг, что предопределяет актуализацию различных видов подчинительной связи, проявляющих различные художественно-психологические

² Здесь и далее ссылки на произведение Н.М. Карамзина даются по источнику: Карамзин Н.М. Собр. соч.: в 2-х т. Т.1. Л., 1984.

³ В определении «Синтаксического словаря» Золотовой Г.А. «Финитив – компонент с семантикой цели, назначения действия <...> коррелирует с придаточным цели» [Золотова, 2006, с. 41].

объяснительные мотивировки повествователя. Описанный процесс способствует и соответствующей осцилляции читательского внимания, которое, таким образом, направляется к «коварству» Эраста, испытывающего неосознанное желание соблазнить Лизу, и художественно-психологически «переносащего» его на «*мимоходящих*». То есть, уже при завязке взаимоотношений героев обозначается конфликт, а также проявляется скрытое намерение Эраста. Обстоятельство, что его намерение переносится на «*мимоходящих*», то есть на других людей, а сам он остаётся в восприятии Лизы как тот, у кого «*такое доброе лицо, такой голос*»⁴, имеет важное значение для характеристики глубинных художественно-психологических свойств обоих героев, данных в видении повествователя. Именно от него в конечном счёте зависит восприятие героями мира и друг друга. Строя повествование, в котором отражается его восприятие событий и героев, он «прозревает» необходимые и существенные художественно-психологические потребности героев. Для Эраста это потребность уйти от ответственности; для Лизы – потребность в идеализации.

2. Художественно-психологическое «уравновешивание» однородных членов предложения.

В высказывании Эраста «*Я надеюсь остаться жив, надеюсь возвратиться к тебе, моему другу*» (Н.М. Карамзин. 1984. С. 515) сочинительная связь между однородными членами проявляет художественно-психологическое «уравновешивание» героем смысла частей предложения. Эраст «надеется возвратиться» к Лизе настолько же, насколько «*надеется остаться жив*»⁵, что является фактической клятвой Лизе. Повтор знаменательной части составного сказуемого фиксирует акцентирование героем для собеседницы смысла «надежда». Аналогичную функцию выполняет уточнение «*возвратиться к тебе, моему другу*».

Но с учётом того, что к описываемому моменту Эраст в отношении Лизы «*наконец, ничего желать не мог*», его «надежда» на самом деле связана не с возвращением к возлюбленной, а с уходом от неё. Таким образом, зафиксированными оказываются разнонаправленные намерения героя, «становящиеся конфликтными, когда они поставлены рядом» [Клюев, 2001, с. 242].

3. Зеркальное употребление отрицательной частицы «нет» в репликах диалога:

«*Нет, береги себя, Лиза, береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты без меня плакала*». – «*Жестокий человек! Ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нет! Расставшись с тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце мое*» (Н.М. Карамзин. 1984. С. 515).

В реплике Эраста, являющейся ответом на слова Лизы «*Ах, для чего не умею ни читать, ни писать! Ты бы уведомлял меня обо всем, что с тобою случится, а я писала бы к тебе – о слезах своих!*» (Н.М. Карамзин, там же, с. 515), частица употребляется в значении усиления отрицания сказанного Лизой. Формально несогласие Эраста связано со стремлением героини излагать свои чувства («*писала бы к тебе – о слезах своих*»), и в последующей реплике героя «*Я не хочу, чтобы ты без меня плакала*» материализуется та же его интенция. Тем не менее, художественно-психологически несогласие распространяется и на высказанное Лизой мечтание о переписке, являющееся одновременно и мечтанием героини об общем будущем. Эраст, отвечая лишь на вторую часть фразы Лизы, ориентирует героиню на чувства, переключая её внимание с темы будущего. Обозначение такого художественно-психологического способа реагирования героя мы назовём выборочным умолчанием.

⁴ Р.О. Якобсон отмечает: «расщепленность адресанта и адресата и, кроме того, расщепленность референции» в связи с неоднозначностью и удвоением смысла сообщения [Якобсон, 1975, с. 221].

⁵ А.А. Алексеева отмечает связанность семантики первого и второго сказуемых, а также их признаковой связи с подлежащим [Алексеева, 2016, с. 17].

Отрицательная частица «нет» занимает акцентную позицию во фразе «*Нет, береги себя, Лиза, береги для друга твоего*», вводя слова Эраста, побуждающие Лизу ориентироваться на его возвращение. Предложное управление в словосочетании «*береги для друга твоего*» оформляет выбранное Эрастом для Лизы обоснование своей просьбы как художественно-психологически значимое для него, что выделяется употреблением знаменательных зависимых слов «*друга твоего*», а не ожидаемого местоимения «меня». Указанные средства обнаруживают контраст между внешними проявлениями искренности Эраста и имплицитными знаками, что соотносится с текстовым фактом его охлаждения к Лизе, уже известным читателю от повествователя. Итак, через освещение выделенной приёмом выборочного умолчания темы будущего Лизы и Эраста раскрывается глубинная противоречивость героя, связанная с его художественно-психологической незрелостью: желая оставить Лизу, Эраст искренне просит её «*беречь себя*» для него. В момент произнесения этих слов герой не замечает противоречия и не осознаёт, что сказанное является ложью.

В ответе Лизы «нет» – это несогласие с попыткой ограничения Эрастом её чувств. Таким образом, «нет» Лизы и Эраста оказываются наполненными противоположным содержанием, связанным с глубинными художественно-психологическими установками героев: у Эраста – сохранение собственной картины мира, где он «*добрый и ласковый*», ради чего допустим обман; у Лизы – искреннее следование любви. В этой связи стоит обратить внимание на знаки препинания, оформляющие употребление в тексте анализируемых частиц⁶.

У Эраста это запятая, у Лизы – восклицательный знак. В количественном отношении в тексте Эраста, относящемся к анализируемой сцене, наблюдается преобладание запятых (13), в тексте Лизы – восклицательных знаков (11). Если исходить из положения Л.А. Будниченко об актуализации с помощью пунктуационных знаков частей текста в процессе его членения, то в тексте Лизы выделенными оказываются эмоциональные стороны «жизни сердца», у Эраста – логические⁷.

4. Многоточие, маркирующее обрыв речи на фоне ясно обозначенной мысли в диалоге.

«*Лиза провожала его глазами, а мать сидела в задумчивости и, взяв за руку дочь свою, сказала ей: "Ах, Лиза! Как он хорош и добр! Если бы жених твой был таков!" Все Лизино сердце затрепетало. "Матушка! Матушка! Как этому стать? Он барин, а между крестьянами..." – Лиза не договорила речи своей*» (Н.М. Карамзин. 1984. С. 510). В приведённом текстовом фрагменте мать инициирует тему гипотетического замужества дочери в связи с впечатлениями от визита Эраста. Если мать полностью проговаривает мысль – генерализацию⁸ о желательности того, чтобы жених Лизы был не только «*хорош и добр*», но и «*таков*», как Эраст, то генерализацию о невозможности браков между представителями разных социальных слоёв Лиза, обозначая, обрывает, что маркируется многоточием.

⁶ Л.А. Будниченко, рассматривая экспрессивность в качестве кодированного семантического компонента, который может передаваться знаками препинания, образующими языковую подсистему, выступающую в процессе коммуникации как дополнительный языковой код и дополнительный канал связи между коммуникантами, различает структурно-логические знаки препинания (запятая, точка; вопросительный знак, двоеточие, тире) и эмотивные пунктуационные знаки (восклицательный знак, многоточие, кавычки [Будниченко, 2004, с. 7–8].

⁷ Аналогичные тенденции наблюдаются и в других значимых сценах, например, в сцене прощания перед уходом Эраста на войну.

⁸ Т.Н. Колокольцева, рассматривая структурно незавершенные высказывания, отмечает вербальную невыраженность тех или иных смыслов в содержательном плане в сочетании с обрывом синтагматической цепи членов высказывания в конструктивном плане [Колокольцева, 2001, с. 44].

Упомянутый обрыв высказывания связан в первую очередь с воспринятым героиней эмоционально-семантическим посылом о желательности для матери самого Эраста в качестве жениха Лизы. Поскольку для обеих женщин такое допущение лежит за пределами возможных для них жизненных представлений, мать говорит о том, что может иметь отношение к возможной будущей судьбе дочери. Поэтому для матери становится художественно-психологически необходимым полностью вербализировать эмоционально-семантический посыл о похожем на Эраста женихе Лизы. Обрыв начатой Лизой генерализации связан с транслируемым матерью первым посылом, совпадающим с тайным желанием самой Лизы, с чем связаны её чувства волнения, стыда, страха.

Далее в ходе развёртывания текста эта оборванная Лизой мысль-генерализация полностью проговаривается в ситуации «грехопадения». *«Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!» – сказала Лиза с тихим вздохом. – “Почему же?” – “Я крестьянка”. – “Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная, невинная душа, – и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу”»* (Н.М. Карамзин. 1984. С. 514).

После вербализации генерализация, ранее высказанная не до конца, реализуется сюжетно, раскрывая, таким образом, свою семантико-эстетическую ёмкость: *«Она бросилась в его объятия – и в сей час надлежало погибнуть непорочности!»* (Н.М. Карамзин. 1984. С. 514).

Подведем итоги:

1. Эстетический перенос скрытого намерения героя на другое лицо имеет значение в качестве: характеристики повествователем художественно-психологических потребностей героев; элемента архитектоники повести.

2. Синтаксическое «уравновешивание» смысла частей предложения проявляет разнонаправленные намерения героя и фиксирует их для читательского восприятия.

3. Эстетически организованная осцилляция внимания читателя способствует рефлексии художественно-психологических свойств героев.

5. Приём выборочного умолчания позволяет выявить глубинные художественно - психологические свойства, во-первых, за счёт игнорирования героем части информации в реплике диалога с переключением внимания партнёра на другую тему; во-вторых, за счёт имплицитно возникающей в последующей речи упомянутой информации. Средством её обнаружения может, в частности, служить употребление знаменательных зависимых слов вместо подразумеваемого местоимения.

6. Отрицательная частица «нет», формально соотносясь с частью реплики в диалоге, за счёт усилительного расширительного значения художественно-психологически является отрицательным ответом относительно всех последующих слов.

7. Обрыв ясно обозначенной мысли-генерализации, маркируемый многоточием, полностью вербализируется и сюжетно раскрывается в последующей текстовой ситуации, что соответствует высокой художественно-психологической значимости генерализации для героя.

Библиографический список

Алексеева Е.А. Зависимость лексико-семантических свойств языковых единиц от условий их синтаксического использования // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике: сборник мат. Всерос. научно-метод. конф. (21–22 октября 2016 г.) / под ред. Лебедевой А.Л., Ореховой Е.Е., Савиной С.Л., Филатовой В.Б. Воронеж: Издательство «Наука-Юнипресс», 2016. С. 16–25.

Будниченко Л.А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте. На материале языка газет: Дис. ... докт. филол. наук. СПб, 2004.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Едитореал УРСС, 2006.

Клюев Е.В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция. М.: Приор, 2001. [

Колокольцева Т.Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград: Издательство Волгоградского госуниверситета, 2001.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–231.

Источник

Карамзин Н.М. Собр. соч.: в 2-х т. Т. 1. Л.: Худ. лит., 1984.

О. А. Трущелева

Студентка магистратуры

Алтайский государственный университет

Научный руководитель кандидат филологических наук, доцент О.А. Ковалев

**ФАУСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ А.В. ЧАЯНОВА
«ВЕНЕДИКТОВ ИЛИ ДОСТОПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ ЖИЗНИ МОЕЙ»**

В данном докладе анализируется связь образов романтической повести «Венедиктов или достопамятные события жизни моей» с фаустовским архетипом, исследуются параллели в истории Венедиктова с легендой о Фаусте у Гёте и «Народной книгой», а также то, как образы из «Фауста» Гете повлияли на описание демонических персонажей.

Ключевые слова: Фаустианский архетип, Фауст, Чаянов, «Венедиктов», Гете.

O. A. Truscheleva

Master's student

Altai State University

FAUSTIAN MOTIVES IN A.V. CHAYANOV

"VENEDIKTOV OR MEMORABLE EVENTS OF MY LIFE"

This report analyzes the connection between the images of the romantic story "Venediktov or Memorable Events of My Life" with the Faustian archetype, explores the parallels in the story of Venediktov with Goethe's legend of Faust and the "People's Book", as well as how the images from Goethe's "Faust" influenced description of demonic characters.

Key words: Faustian archetype, Faust, Chayanov, Venediktov, Goethe.

«Венедиктов или достопамятные события жизни моей» – романтическая повесть Александра Чаянова. В ней рассказывается о появлении дьявольских сил в Москве и о том, как заглавный герой Венедиктов выиграл у дьяволов несколько душ москвичей, в том числе душу главного героя.

Прозу А.В. Чаянова можно рассматривать в контексте романтической литературы. Существуют исследования, посвященные связи образов Чаянова и Гофмана [Королева, 2020]. В данном материале мы обратимся к другому произведению немецкого автора, значимому для романтиков, а также сюжету, послужившему основой данного произведения. Речь идет о легенде о Фаусте и её интерпретации Гете в трагедии «Фауст». Как мы увидим, в тексте отразились как мотивы легенды о докторе Фаусте (мы ссылаемся на «Народную книгу о Фаусте»), [Жирмунский, 1978], так и трагедии Гете.

Судьба заглавного героя (Венедиктова) схожа с судьбой Фауста: герой заключает сделку с силами зла, получает сверхъестественную власть, которую использует в свое удовольствие, трагически влюбляется в чистую душой девушку (мотив, появляющийся не в «Народной книге», а в трагедии Гете) и оказывается жестоко убит.

Ниже подробно скажем о параллелях:

1) Спутник, некий рыжий незнакомец, приводит героя в английский клуб, в котором джентльмены предаются азартным играм, но это не обычные джентльмены, а демоны, и играют они на человеческие души. Сцену можно соотнести со сценой шабаша

в Вальпургиеву ночь, о чем говорит сам Венедиктов: «В серном тумане светлыми пятнами маячили круглые, покрытые сукнами столы, где джентльмены предавались карточной игре или обжорству ... казалось, передо мной был шабаш ведьм мужского пола» (А.В. Чаянов. Венедиктов, или достопамятные события жизни моей).

«Рыжего», который привел героя на «шабаш», можно сравнить не только с Мефистофелем, но и с другим персонажем, встреченным Фаустом Гете в сцене Вальпургиевой ночи, – Медузой. Одна из известных особенностей Медузы Горгоны – волосы в виде змей, о спутнике Венедиктова говорится: «Рыжий джентльмен, встреченный мною в Уитчапле, вряд ли мог быть для меня полезен. Он был в сильном проигрыше, и волосы его бакенбардов в неистовстве сжимались и разжимались, как спирали пружин...» (А.В. Чаянов. Венедиктов, или достопамятные события жизни моей).

Герой получает сверхъестественные способности и использует их для своего удовольствия (как Фауст народной книги). Кроме того, оба героя становятся убийцами. Фауст убивает брата своей возлюбленной, Венедиктов же, с помощью волшебного треугольника, получает возможность увидеть девушку, не ответившую ему взаимностью. Подчинив волю её возлюбленного, герой убивает её чужими руками, а затем убивает его.

Параллелизм сцен, на мой взгляд, состоит в том, что герой, искушаемый нечистой силой, оказывается способен отнять чужую жизнь, даже если сам этого до конца не понимает («Нужно ли рассказывать о беспредельном ужасе моем, когда утром я подошел к дому Жанеты, чтобы рассказать ей об ужасном сновидении, увидел дом, окруженный толпой, ее задушенной, а в углу комнаты с разбитым черепом лежащего виденного мною ночью шотландца») (А.В. Чаянов. Венедиктов, или достопамятные события жизни моей).

2) Герой влюбляется в девушку с чистой душой и использует колдовство, чтобы заполучить её. У Гете подобный эпизод заканчивается гибелью героини, у Чаянова – скорой смертью героя.

3) Смерть персонажей:

У А.В. Чаянова: «В комнате все было перевернуто и носило следы отчаянной борьбы. Посредине, среди обломков кресла и скомканного ковра, лежал Петр Петрович с проломленным черепом, а штабс-капитан Загорельский допрашивал побледневшую дородную содержательницу номеров» (А.В. Чаянов. Венедиктов, или достопамятные события жизни моей).

О Фаусте в одной из легенд говорится: «В полночь хозяин услышал грохот в комнате постояльца, а наутро он увидел, что у Фауста шея свернута, а голова свисает с кровати. Именно в этой деревне и в точности так погиб Фауст» [Жирмунский, 1978].

Основываясь на описанном ранее, можно предположить, что повесть Чаянова оказывается произведением на фаустианскую тему. В чем причина обращения к подобной тематике? Перед нами архетип, вечный и узнаваемый образ. Истории о сделке человека с Дьяволом, или нечистой силой, существовали и до Гете, и после него. Актуальность темы, на наш взгляд, заключается в том, что динамичный сюжет, привлекающий внимание читателя мистикой и чертовщиной, позволяет вместе с тем поднять вечные вопросы: Что есть искушение? Легко ли искушению противиться? Как низко может пасть человек, ведомый чувством (мнимой) вседозволенности? Может ли человек, запятнавший себя преступлением, искренне раскаяться ради любви? В разные эпохи и разными авторами на эти и другие вопросы даются различные ответы, зависящие от многих факторов.

Вместо послесловия отметим, что данная повесть сама стала одним из претекстов куда более известного романа о Дьяволе. Автор этого романа, однофамилец главного

героя повести, также рассказывает о появлении нечистой силы в Москве. И возможно, описание Ведениктова повлияло на образ булгаковского Воланда:

«Не нахожу теперь слов описать мое волнение и чувства этой роковой встречи. Он роста скорее высокого, чем низкого, в сером, немного старомодном сюртуке, с сидящими волосами и потухшим взором, все еще устремленным на сцену, сидел направо в нескольких шагах от меня, опершись локтем на поручни кресла, и машинально перебирал свой лорнет.

Кругом него не было языков пламени, не пахло серой, все было в нем обыденно и обычно, но эта дьявольская обыденность была насыщена значительным и властвующим» (А.В. Чаянов. Венедиктов, или достопамятные события жизни моей).

Библиографический список

1. Королева В.В. Стилизация «гофмановского комплекса» в повестях А.Н. Чаянова // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 3. С. 159–164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilizatsiya-gofmanovskogo-kompleksa-v-povestyah-a-n-chayanova/viewer>

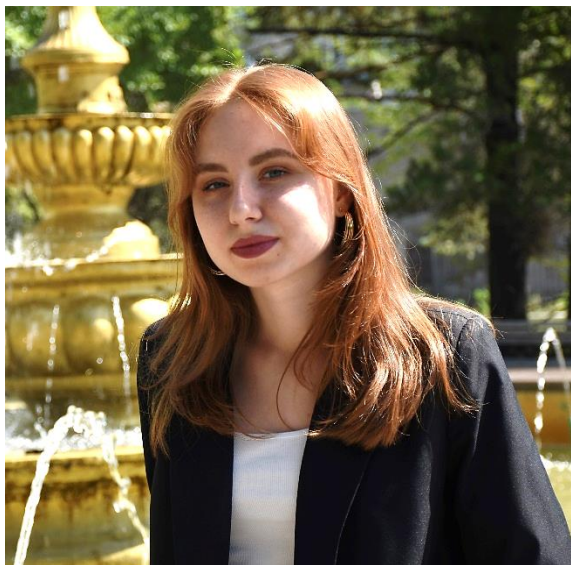
2. Жирмунский В.М. История легенды о Фаусте. 1978. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/zhirmunskij-legenda-o-fauste/chast-1.htm>

Источник

Чаянов А.В. Венедиктов, или достопамятные события жизни моей. Романтическая повесть, написанная ботаником Х., иллюстрированная фитопатологом У. // "Книжная полка", <http://www.rusf.ru/books/> URL: http://books.rusf.ru/unzip/add-2003/xussr_ty/chayaa12.htm?1/3

Д.М. Чернышова
Студентка бакалавриата
Алтайский государственный университет
Научный руководитель
кандидат филологических наук, доцент О.А. Ковалев

МЕТРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОЭТА ГЕННАДИЯ ПАНОВА

Статья посвящена исследованию метрической системы поэта Геннадия Панова, который является одним из лучших авторов своего поколения в истории литературы Алтайского края наряду с Л.С. Мерзликиным и В.М. Башуновым. Результаты анализа стихотворений Г.П. Панова демонстрируют процентное соотношение стихотворных метров и размеров, наличие пяти типов семантических ореолов: политематический тип, баллада, фольклорная песенность, «античная драма», дидактика. В ходе анализа отмечено, что в произведениях алтайского поэта находят отражение семантические оттенки, присутствующие в творчестве

В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, С.А. Есенина, что подчеркивает использование Г. Пановым традиционной метрики, за счет которой происходит иллюстрирование определенных тем и мотивов. Также указывается на употребление автором разных типов ритма, тем самым демонстрирует нестандартность и уникальность поэта, использующего редкие для советской поэзии 60–80 годов размеры: 4-стопный хорей, 6-стопный хорей, 5-стопный ямб.

Ключевые слова: Г.П. Панов, стихотворный размер, семантический ореол, ритмический перебой, «лесенка».

D. Chernyshova
Undergraduate student
Altai State University

THE METRIC SYSTEM OF THE POET GENNADY PANOV

The article is devoted to the study of the metric system of the poet Gennady Panov, who is one of the best authors of his generation in the history of literature of the Altai Territory along with L.S. Merzlikin and V.M. Bashunov. The results of the analysis of Gennady Petrovich Panov's poems demonstrate the percentage ratio of poetic meters and sizes, the presence of five types of semantic halos: polythematic type, ballad, folklore song, "ancient drama", didactics. The article notes that the works of the Altai poet reflect the semantic shades present in the works of V.A. Zhukovsky, M.Y. Lermontov, N.A. Nekrasov, S.A. Yesenin, which emphasizes G. Panov's use of traditional metrics, due to which certain themes and motives are illustrated. The author also points out the use of different types of rhythm by the author, thereby demonstrating the non-standard and uniqueness of the poet, who uses sizes rare for Soviet poetry of the 60-80 years - four-stop chorei, six-stop chorei, iambic pentameter.

Keywords: G.P. Panov, poetic dimension, semantic halo, rhythmic interruption, "ladder".

Метрическая система алтайского поэта Геннадия Панова интересна своей изобретательностью. Используя традиционную метрику, автор, однако, добивается ритмического разнообразия, благодаря «лесенке» и ритмическим перебоям.

Геннадий Панов (1942–1992), уроженец города Новокузнецка, член Союза писателей России, член редколлегии и ответственный секретарь журнала «Алтай», создатель одного из стихотворных переводов «Слова о полку Игореве», автор поэтических книг «Доброта», «Застава», «Июнь» и других. Считается, что наряду с Л.С. Мерзликиным и В.М. Башуновым Г. Панов является одним из лучших поэтов своего поколения в истории литературы Алтайского края.

Для исследования метрической системы произведений поэта мы рассмотрели произведения сборника избранных сочинений Г. Панова (Геннадий Панов. Избранное. 2022). Анализ стихотворений производился по следующим параметрам: а) соотношение разных стихотворных размеров; б) наличие семантических ореолов; в) наличие ритмических перебоев.

Соотношение стихотворных размеров

Все силлабо-тонические метры: хорей, ямб, дактиль, амфибрахий и анапест, – встречаются в творчестве Г. Панова и составляют в совокупности 85,6% от подборки стихотворений.

Ямбические размеры у Панова встречаются чаще всего – 33,8%. В стихотворениях поэта, написанных ямбом, используются следующие размеры: 2-стопный ямб («Хожу в деревне...»), 3-стопный ямб («И вот опять в Паново я...»), 4-стопный ямб («Доброта»), 5-стопный ямб («Кольцуют птиц»).

Хореи в произведениях Г. Панова по количеству употребления находятся на втором месте и, соответственно, составляют 26,9% от всей подборки произведений. Стихотворения этого метра написаны разными размерами, например, 2-стопным хореем написано произведение «Пряха», 3-стопным хореем – «Баллада 1942 года», 4-стопным хореем – «Тетя Варя», стихотворение «Седина» написано 5-стопным хореем, а «Дождь прошел. В июльском поле за мостом...» – 6-стопным хореем.

Из трехсложных размеров у автора чаще всего используется анапест, который составляет 15,6%. Здесь Г. Панов использует 2-, 3-, 4-стопные размеры, например «День победы», «Я приехал в родную деревню...», «Голубые снега», соответственно.

Дактиль составляет 5,3% от всех произведений и используется в двух вариантах – 3-стопный дактиль, например в стихотворении «Колышется жаркое жито...», и 4-стопный дактиль, употребляемый всего в двух произведениях, – «На займище», «На лесоповале».

Самый редко употребляемый трехсложный размер – амфибрахий, который составляет 3,1% и используется в 2-, 3- и 4-стопных размерах, например: «Обращение к сыну», «От холода шубой себя омедведишь...» и «Зерна вечного колоса».

Силлабо-тоника встречается чаще, чем тоника. Дольник и тактовик – тонические метры, встречающиеся в произведениях Г. Панова и составляющие 13,9% и 1,02%, соответственно, от общего количества стихотворений.

В произведениях Г. Панова, написанных тоникой, используются 3- и 4-иктовые размеры. 3-иктовым дольником написаны «Дед», «Гур-Эмир», «Сладкий пряник», «Алтын-Кёль», «Где она, большая вода...», «Если корни дерева подсечь...», «Второе августа», а 4-иктового – «Этюды сибирской зимы» (1 часть). «Это утверждается навеки...» – стихотворение, написанное 3-иктовым тактовиком, «Ветка горного кедра» – 4-иктовым тактовиком.

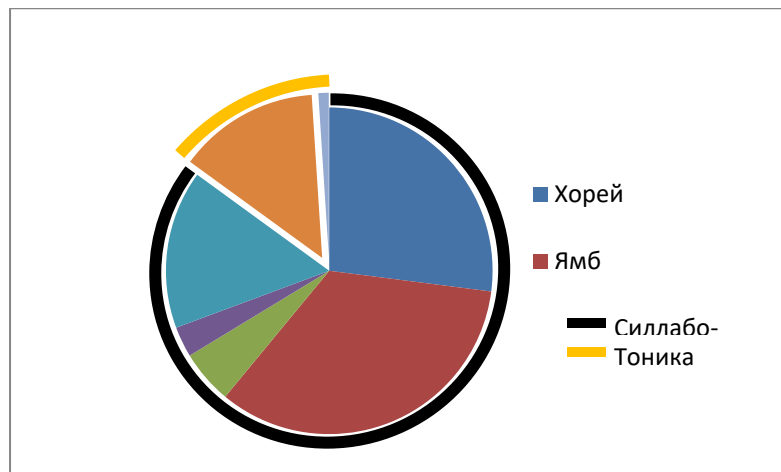

Рисунок 1. Сравнительная характеристика метрической системы Г. Панова

Анализ метрической системы Г. Панова показал присутствие в стихотворениях традиционных семантических ореолов. Нам удалось выявить пять основных типов смысловых ассоциаций в подборке произведений.

Семантические ореолы

1. Политематический тип

Г. Панов воспекает в лирике могущество и красоту родной земли, силу и стойкость народа, поднимает тему нравственности человека, которым сопутствуют мотивы детства, семьи, любви, вечера, грусти, дороги. Такие семантические ореолы удалось выявить только в некоторых размерах.

В стихотворениях, написанных 2-стопным ямбом – «Хожу в деревне я...» и 4-стопным ямбом – «Доброта», «Иду на Вы!», «Изба», «Встреча с песней», «О всем хорошем на земле», «Пролились тучи и ушли», «Неважно – ныне иль давно...», «К чему копить полуобиды...», «Вокруг Есенина», «Среди долины ровная», «Перечитывая “Капитанскую дочку”», «Березовое чудо», «Старушка-побирушка», «Ах, эта утренняя тишь...», «На Чуйском тракте», видна тематика творчества С. Есенина – это подробные описания природы, отношение автора к России и родной деревне, воспевание своего народа, а также восхищение классиками русской литературы:

*Безмолвные следы столетий
хранят в степях
 курганы,
 рвы.
Здесь Святослав,
 еще не встретясь,
бросал врагам:
 — Иду на Вы!
В курганах спят былого песни.
Но вечна мудрость старины:
залог победы —
 это честность,
а не обход со стороны.
Залог победы —
 это вызов...
И мы по-своему правы,*

*когда твердим, рубашки выжав:
— Ты слышишь, жизнь,
иду на Вы!*

«Иду на Вы!». (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 22).

В произведениях дактилического 3-стопного размера Г. Панов вспоминает прошлое, выражает гордость, размышляя на темы родины и семьи в «Русском складне» (1 часть: Борис и Глеб), «Колышется жаркое жито». 3-стопный амфибрахий характеризует «гражданскую музу» автора, похожую на музу Н. Некрасова, которая дает возможность лирическому герою почувствовать любовь к родной Руси.

Такие же темы и мотивы ассоциируются с 4-стопным анапестом в стихотворениях «Голубые снега», «Подсолнухи бабушки Веры Мокеевны», «Зерна вечного колоса» (3, 4, 6, 8 и 9 части), «Полоса отчуждения», «Холмы и думы» (2 часть), однако здесь уже прослеживается традиция балладного жанра, так как присутствует сюжет.

Тоническая форма стихосложения тоже выражает тематику родины и семьи. Это прослеживается в 4-иктовом дольнике цветаевского типа в «Этюдах сибирской земли» и в тактовике такого же размера («Ветка горного кедра»). Все вышеперечисленные стихотворные размеры дают возможность поэту рассуждать на магистральные темы его творчества без подчинения какому-либо определенному жанру:

*Отдыхают на скалах усталые ветры,
Завтра мы уезжаем и увозим с собой,
как хорошую песню, ветку горного кедра,
ветку горного кедра и телецкий прибор.*

*Над костром запоздалым прощальные искры,
и уложены кеды глубоко в рюкзаке.
Ветка горного кедра будет пахнуть смолисто
у меня в изголовье
от тайги вдалеке.*

*Ветка горного кедра, как зелёное пламя,
заверожит, закружит,
на плечо упадёт.
Ветка горного кедра
за замками достанет,
ветка горного кедра
на Алтай позовёт.*

«Ветка горного кедра» (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 53)

2. Баллада

По наблюдениям М. Гаспарова, среди силлабо-тонических и тонических размеров амфибрахию присущи признаки балладной традиции. Этот метр используется у А.С. Пушкина в его «Песне о вещем Олеге», М.Ю. Лермонтова в «Песне про купца Калашникова», В.В. Маяковского, если говорить о начале поэмы «Про это» [Гаспаров, 2000, с. 11]. Однако исследование М. Гаспарова показало, что не только амфибрахий, но и ямб, анапест, дольник содержат признаки баллады [Гаспаров, 2000a].

Традиция балладного стиха прослеживается и у Г. Панова в 3-стопном ямбе, 3- и 4-стопном амфибрахии, 2-и 3-стопном анапесте, 3-иктовым дольнике, а также в 3-, 4- и 5-стопном хоре и 4-стопном дактиле.

«И вот опять в Паново я...», «Пушкинское», «Еще весна – не в силах...», «Обращение к сыну» (1 и 2 части), «Русский складень» (3 часть: Василий и Владимир) – произведения, написанные 3-стопным ямбом. Балладная традиция здесь проявляется в строгой композиции, стремительном развитии исторического сюжета, динамичности, драматичности повествования, но при этом присутствует еще и фольклорная песенность:

*Россия шла за гробом
и не стыдилась слёз;
удержатся ли оба
надолго и всерьёз?*

*Один летел, как Разин
над вспененной волной,
другой был с песней связан
серебряной струной.*

*Ходили в рукопашный
и пали, как в бою.
За старшего
не страшно,
за младшего —
боюсь.*

*Талант извечно губят
шумиха и надрыв.*

*.....
А люди правду любят
и песню —
на разрыв!*

«Русский складень (3 часть: Василий и Владимир)» (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 103).

«От холода шубой себя омедведишь» – стихотворение, написанное 3-стопным амфибрахией, а «Зерна вечного колоса» (1 часть), «Холмы и думы» (3 часть) – 4-стопным амфибрахией. Эти размеры напрямую связаны с жанром баллады, содержащим в себе темы быта, сна, памяти.

Произведения «Пень», «Дунькина роща», «Стихи о таежной собаке», «Вот и выстрелить почкам...», «День победы», «Снегири» написаны 2-стопным анапестом. Для этого метра, по наблюдениям М. Гаспарова, характерны порывистость, динамичность, напряженный сюжет, наполненность описаниями и эмоциями [Гаспаров, 2000, с. 10]. «Это осень горит!...», «Я приехал в родную деревню...», «Спозаранку» – стихотворения, написанные 3-стопным анапестом, которые имеют сюжетность, описательность, цветопись – признаки, присущие жанру баллады.

«Часто слышу...», «Дед», «Гур-Эмир», «Сладкий пряник», «Алтын-Кель», «Где она, большая вода...», «Если корни дерева подсечь...», «Второе августа», «Творец Игорева песни», «Посевная, сенокос, страда» написаны 3-иктовым дольником «цветаевского и акмеистского» типов. Например, в тексте стихотворения «Часто слышу...» можно увидеть повествовательность и определить точную композицию, как и во всех

вышеперечисленных лирических произведениях, что дает возможность говорить о присутствии балладной традиции: зачин – первое четверостишие, второе четверостишие – завязка, развитие действия – с третьего по четвертое четверостишие, последние строки четвертого четверостишия – кульминация, пятое и шестое четверостишия – развязка действия. Динамичность, эмоциональность, демонстрация автором истории лирического героя – все это есть в стихотворениях и тоже является признаками балладного стиха:

Часто слышу —
 вопрос не в новость —
 разгадай нам загадку слов:
 то ль село по тебе — Паново,
 то ли ты по селу — Панов?..
 Знаю:
 древний, как из сказанья,
 с пропылённою бородой
 пришагал мой дед
 из Рязани
 и срубил на Алтае дом.
 И хотя он смутьяном не был
 да и в бога верил, кажись,
 дед решил:
 раз под новым небом —
 значит, надо
 по-новому жить!
 И углём на плашке сосновой
 (как-то вдумчиво квасу попив)
 сочинил он:
 «Живу па новой»,
 и ту плашку к углу прибил...
 Той поры не найдёшь и следа —
 только правда своё взяла:
 заскорузлое творчество деда
 повторило имя села.
 И храня старины основу,
 внуки деда —
 собой кряжи —
 Здесь, в Паново,
 совсем по-новому
 строят новую жизнь!

«Часто слышу...» (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 16–17).

Произведения Г. Панова «Баллада 1942 года», «У калины гроздь красивая...», «Обращение к сыну» (Колыбельное краегласие), «Есть в судьбе такие даты...» написаны 3-стопным хореем. Здесь также возникает ассоциация с балладным произведением – преобладает тематика, которая в основном присуща В. Жуковскому и его балладам – это описание пейзажа, пути, детства, смерти, вечера, грусти, однако в стихотворениях Г. Панова, написанных 3-стопным хореем, присутствует еще и фольклорная песенность.

«Тетя Варя», «Третья стужа застеклила лужи...», «Зерна вечного колоса» (5, «Завари листом смородинным...» части), «В весеннем бору», «Русский складень» (2 часть: Сергей

и Павел) написаны 4-стопным хореем. В этом стихотворном размере прослеживается балладная традиция, сопровождающаяся тоской и тревогой. На присутствие жанра баллады указывает наличие эпического сюжета и энергичности действий лирического героя. Например, в стихотворении «Тетя Варя» имеется почти прозаический зачин, возникающий за счет дактилической клаузулы в первом пятистишии.

5-стопный хорей используется в произведениях «Дед Сысой», «В сибирской степи», «Зерна вечного колоса» (2 и 7 части), «Седина», «Сивка-бурка, верный конь», «У могилы М.С. Шукшиной», «Летний полдень», «Сельской школе на родине», «Огонь взыскующий», «В век активной реактивной тяги», «У озера», «Посевная, сенокос, страда» (1 и 5 части) и выражает философские рассуждения автора:

*Дед Сысой не спал перед грозой,
Лишь гроза — и на порог быстрее,
сядет, курит, вслушиваясь в гром.*

*...Дед Сысой оглох на батарею,
в Сталинграде —
в 42-м.*

«Дед Сысой» (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 34).

С точки зрения Р. Якобсона, для данного размера характерна «динамическая тема дороги в сочетании со статической темой безнадежного скорбного одиночества и смертного ожидания» [Гаспаров, 2000, с. 13]. Стихотворение М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» является прецедентным текстом, благодаря которому возник семантический ореол 5-стопного хорей, где «...динамический мотив пути противопоставляется статическому мотиву жизни <...> целый ряд поэтических раздумий о жизни и смерти в неопределенном соприкосновении одинокого человека с “равнодушной природой”» [Гаспаров, 2000, с. 239].

4-стопный дактиль дает возможность поэту продемонстрировать лирическую грусть, мрачные и светлые воспоминания, рассказать о родине, что прослеживается в стихотворениях «На займище» и «На лесоповале». Таким образом, употребление данного размера с вышеперечисленными темами позволяет нам говорить о том, что эти тексты написаны в жанре баллады.

3. Фольклорная песенность

В лирических текстах Г. Панова часто, наряду с балладной традицией, преобладает фольклорная песенность. Однако «народный, песенный» тип смысловой ассоциации можно выделить отдельно и отнести к нему ряд произведений разных стихотворных размеров, используемых алтайским поэтом.

2-стопный хорей связан с фольклорной песенностью в «Пряхе», 3-стопный хорей – в стихотворениях «Баллада 1942 года», «У калины гроздь красивая...», «Обращение к сыну» (Колыбельное краегласие), «Есть в судьбе такие даты...», 4-стопный хорей – в произведениях «Тетя Варя», «Третья стужа застеклила лужи...», «Зерна вечного колоса» (5, «Завари листом смородинным...» части), «В весеннем бору», «Русский складень» (2 часть: Сергей и Павел), а также 6-стопный хорей, редкий в современной поэзии, отражает «народный» семантический ореол в стихотворении «Дождь прошел. В июльском поле за мостом...»:

*Дождь прошёл. В июльском поле за мостом
пахнет воздух свежавымытым холстом.*

*Я лежу средь белобрысого овса,
надо мной парят высоко небеса.*

*И такая тишина, что слышишь сам,
как восходит в колос влага по овсам.*

*Лишь над полем, словно врезавшись в лазурь,
самолётчик —
как сориночка в глазу.*

«Дождь прошел. В июльском поле за мостом...» (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 41).

Данный тип ассоциации употребляется в 3-стопном ямбе («И вот опять в Паново я...», «Пушкинское», «Еще весна – не силах...», «Обращение к сыну», 1 и 2 части), «Русский складень» (3 часть: Василий и Владимир), 3-стопном амфибрахии («От холода шубой себя омедведишь...»), 3-стопном анапесте («Это осень горит!...», «Я приехал в родную деревню...», «Спозаранку»).

4. «Античная драма»

Г. Панов обращается в лирике и к высокому, торжественному стилю. В основном это характерно для 5-стопного ямба, который употребляет А.С. Пушкин в своей трагедии «Борис Годунов». В данном размере семантический ореол проявляется обычно в импульсивности мыслей, переживаниях, рефлексии лирического героя. Примерами ассоциативного типа «античная драма» могут служить стихотворения «Кольцуют птиц», «На Новодевичьем кладбище», «Имя твое», «Шуршит по травам рыжая листва...», «Знахарь», «Холмы и думы» (1 часть), «Осенняя сказка»:

*Через года, что замкнуты, как круги,
Ищу твои спасительные руки.
Средь бела дня аукаю в лесу –
но хлещут ветки
резко
по лицу!*

*И снова молча за моей спиной
осенний лес смыкается стеной.*

*А может, это сказка наяву:
лесной пожар,
рябиновые кисти
и эти медно-медленные листья,
что падают и падают в траву?*

*Лишь кольца жизни на смолистом пне
про бытие напоминают мне.
...Через года, что замкнуты, как круги,
ищу твои спасительные руки.*

«Осенняя сказка» [Панов, с. 38] (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 38).

5. Дидактика

Последний, пятый, выделенный нами тип семантического ореола, – «дидактический». Данная тема присутствует в стихотворениях, написанных 6-стопным хореем («Дождь прошел. В июльском поле за мостом...») и 3-иктовым тактовиком («Это утверждается навеки»). Однако в этих двух размерах есть своя степень наполненности такой тематикой: хорей отражает дидактически-авторитарное послание, а тактовик – более «легкое» наставление, сопровождающееся такими центральными словами-темами в творчестве Г. Панова, как «родина», «мать», «народ», «земля», «семья»:

*Это утверждается навеки,
как закон согласия
в семье:
родники рождаются,
чтоб реки
никогда
не молкли
на земле.
Потому и здравствует Россия
и над ней
бессмертен
небосвод:
мать у нас живёт во имя сына,
сын —
во имя будущего сына
и во имя матери
живёт!*

«Это утверждается навеки...» (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 124).

Ритмические перебои

Метрическая система Геннадия Панова традиционна, однако поэт создает разнообразие за счет ритмических перебоев, использования «белого» стиха, «лесенки», благодаря которым возникает эффект неустойчивости, неопределенности ритма.

С.А. Мансков в предисловии к сборнику стихотворений Г. Панова отмечает, что «Панов не может писать гладкописью – ему необходимы неологизмы и акцентный стих...» (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 10). Однако рассмотрев произведения автора, мы можем сказать, что из тоники поэт использует только дольник и тактовик.

Ритмические перебои часто встречаются в стихотворениях поэта, иногда вместе с «лесенкой». В произведении «Пушкинское» в единичном случае – в 1-ом стихе – используется гипердактилическая клаузула, находящаяся в зачине композиции текста:

*«Брожу в лесу, листаю Пушкина,
читаю,
думаю о нём».*

«Пушкинское» (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 28).

«Тетя Варя» – стихотворение, где наряду с женскими и мужскими клаузулами имеются дактилические – во 2, 4, 5 стихах. Здесь аналогичная ситуация – задается определенная интонация.

«Лесенка»

«Лесенка» не только образует новые семантические оттенки и задает определенное настроение всему тексту, но и ведет читателя за автором [Борисова]. В стихотворениях «Иду на Вы!», «Знахарь», «Русский складень» (1 и 3 части), «Перечитывая “Капитанскую дочку”», «Если корни дерева подсечь...», «Снегири», «Колышется жаркое жито...» используется «лесенка», создающая ритмическое и семантическое разнообразие, которое за счет акцентных фраз придает тексту динамичность и показывает отношение лирического героя к происходящему. В произведениях «Часто слышу...», «Полоса отчуждения», «Огонь взыскующий» «лесенка» реализуется для выделения главных смысловых строк, которые с помощью интонационных изменений делают ритм необычным:

*«...И когда в России власть твердела,
огнь её
взметнулся до небес —
и со звёзд
окалина
летела*

на хлеба насущные и лес!»

«Огонь взыскующий» (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 120-121].

«Лесенка» и перебои

В отдельных стихотворениях Г. Панова встречаются ритмические перебои наряду с «лесенкой». Так написано произведение «Хожу в деревне...», где в 42-ом стихе неожиданно появляется гипердактилическая клаузула, «Голубые снега» – в 23, 29 стихах дактилическая клаузула, «Дед» – в 3, 7, 21 стихах дактилическая клаузула, «Доброта» имеет в 11 стихе дактилическую клаузулу:

*«А их ждала под камнем
пыльная,
ненапоённая земля».*

«Доброта» (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 21).

Часто ритмическое разнообразие возникает за счет внезапного изменения клаузулы и рифмовки. Такие произведения встречаются в творчестве Г. Панова: например, в стихотворении «На Новодевичьем кладбище» среди мужских окончаний встречаются женские в 6, 8, 10, 12, 14, 16 строках и заключают в себе смысловую функцию – выражение экспрессивных рассуждений, яркие сравнения автора:

*Неужто смерть по-своему права:
из-под плиты не прорастёт трава,
не грянет в небо эхо голосов
под купола безлиственных лесов?*

*Остановись и сердце приглуши,
пускай оно в молчании пребудет...
Лежат на Новодевичьем в тиши
большие, государственные люди.*

Гранитный сон смежил раскрылья век,

*и плиты — как гранитные шинели.
Как тихо умирает человек,
как громко в мир кричит из колыбели!*

*Растут стихов бессмертных тиражи,
и снятся детям сказки в предрассветье...
Как мало отпускается на жизнь!
Как много отдаётся на бессмертье!*

«На Новодевичьем кладбище» (Геннадий Панов. Избранное. 2022. С. 35).

Стихотворение «Посевная, сенокос, страда» является примером еще одного способа создания разновидности ритма. Произведение состоит из пяти частей и имеет полиметрическую композицию. Первая часть написана 5-стопным хореем; вторая, третья и четвертая части с 1 по 4 стихи написаны 3-иктовым дольником (акм. тип), с 5 по 10 стих – 4-стопным анапестом; пятая часть написана 5-стопным хореем.

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать вывод, что наряду с традиционной метрической системой Г. Панов использует редкие для советской поэзии 60–80-х годов размеры (4-стопный хорей, 6-стопный хорей, 5-стопный ямб) и разные типы ритма, что подчеркивает нестандартность и уникальность творчества поэта и его стихотворений из сборника избранных сочинений.

Библиографический список

Борисова И. М. Графика поэзии Н.А. Некрасова / И.М. Борисова. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2017. 259 с.

Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 289 с.

Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. Издание второе (дополненное). М.: «Фортуна Лимитед», 2000а. С. 246.

Ишутина Е.Н. Панов Геннадий Петрович. URL: <http://altlib.ru/personalii/panov-gennadiy-petrovich-1942-1992/>

Источники

Панов Г.П. Избранное. [Ред.-сост. С.А. Мансков]. Барнаул, 2022.

Раздел 3. Литературоведческие дебюты

А. А. Горева

Аспирант

Алтайский государственный университет

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор М.П. Гребнева

ВЕЩЕСТВЕННОЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье проводится анализ специфических связей предметного и метафизического мира в лирике М.Ю. Лермонтова, выявляются художественные особенности, позволяющие идентифицировать и классифицировать данные связи. Основное внимание уделено аспектам соприкосновения бытового и духовного не только на уровне упоминаний и описаний, но и в более глубоком философском плане. Лирика М.Ю. Лермонтова включает в себя сопряжение философского и бытового. Вещественное не осмысливается поэтом негативно, как традиционно принято у писателей-романтиков. Здесь автор отходит от классического восприятия бытовых реалий, вписывая их в романтическую образность, тем самым превращая вещественное в духовное, и наоборот. Традиционное понимание Лермонтова как поэта, реализующего мистическую силу в своих стихотворениях, никак не противоречит его вниманию к бытовым вещам. Напротив, его способность уподобить реальное ирреальному, его умение соединить несоединимое только доказывает сложность и проработанность авторского поэтического мира.

Ключевые слова: романтизм, реальное и ирреальное, двоемирие, художественное пространство, лирический герой

A.A. Goreva

Graduate student

Altai State University

MATERIAL AND METAPHYSICAL IN THE LYRICS OF M.Y. LERMONTOV

Material and metaphysical in the lyrics of M.Y. Lermontov. This article analyzes the specific connections of the subject and metaphysical world in the lyrics of M.Y. Lermontov, identifies literary features that allow identifying and classifying these connections. The main focus to the aspects of worldly and spiritual not only at the level of mentions and descriptions, but also in a deeper, philosophical sense. Lermontov's lyrics include a combination of philosophical and every day. The material is not interpreted negatively by the poet, as is traditionally accepted by romantic writers. Here the author departs from the classical perception of everyday realities, inscribing them in romantic imagery, thereby turning the material into the spiritual, and vice versa. The traditional comprehension of Lermontov as a

poet who realizes mystical power in his poems doesn't contradict his attention to everyday things. On the contrary, his ability to liken the real to the unreal, his ability to connect the incongruous only proves the complexity and elaboration of the author's poetic world.

Keywords: Romanticism, real and unreal, two worlds, artistic space, lyrical character

Литература во все времена признавалась вместилищем духовного и практического опыта человечества. В своих произведениях писатели и поэты обращались к различным сторонам жизни общества: культурной, социальной, политической и др. При этом некоторые литературные аспекты направлены и на внутреннюю жизнь, описывают психолого-философские искания человека. Литературный текст позволяет рассмотреть как внешнюю, так и внутреннюю стороны личности и мироустройства в целом, то есть обратиться к вещественной и метафизической составляющим: окружающей героя действительности (ее реалиям) и его внутреннему миру.

В художественных произведениях явлены как внешний (предметный) мир, так и внутренний мир героя. Первый связан с деталями реальности, к которым можно отнести, к примеру, предметы быта, интерьера, городского ландшафта, оружие, продукты питания, одежду и пр. Внутренний мир героя представлен сферой разнообразных чувств и эмоциональных проявлений (любовь, дружба, переживания и др.). Если предметный мир может быть соотнесен с миром вещным, то внутренний мир героя – в частности с осмысляемыми с философской точки зрения «вечными» проблемами, с «перемещением» героя в иные миры (загробный, космический), религиозными образами. Зачастую произведение выстраивается на контрасте между вещественным и метафизическим: «приземленному» вещественному противопоставляется «высокое» метафизическое. Но авторы иногда могут прибегать и к обратному: сближать их, например, с целью отражения неразрывной связи «земного» и «небесного».

Изучением произведений М.Ю. Лермонтова с точки зрения особенностей реализации в них вещественного и метафизического начал занимались А.С. Позов, К. Чул, К. Г. Исупов, Г. В. Косяков, О. С. Пугачев. Список литературы представлен также работами таких исследователей, как С.А. Андреевский, В. Виноградов, А.С. Позов, и многие другие.

Творчество М.Ю. Лермонтова исследуется с разнообразных сторон. Лермонтоведы и критики рассматривают проблемный, идейно-образный, стилистический и иные пласты его лирических, эпических и лиро-эпических текстов, обращаясь, в частности, к бытовому и философскому планам.

К.Г. Исупов анализирует мотив судьбы – один из главнейших у обозначенного автора – в контексте соотношения его бытовых (вещественных) и бытийных (метафизических) проявлений. Исследователь рассматривает события (как бытовые категории) романа «Герой нашего времени» через призму метафизического: «кавказская повседневность» [Исупов, 2013, с. 33] – это игра с судьбой, а частью обыденного мира, социума является герой-философ «с фаустианским энтузиазмом» [Исупов, 2013, с. 37].

А. С. Позов, размышляя о метафизических категориях, представленных в текстах М.Ю. Лермонтова, выделяет философские мотивы пустоты и одиночества, судьбы, несчастной любви, разочарования в жизни, свободы, смерти и бессмертия. Отмечая, что как антиномии у поэта представлены земное и небесное начала, философ замечает: у М.Ю. Лермонтова, особенно раннего, «человек или вовсе не ощущает в себе небесное, и весь привязан к земному. А если и ощущает, то подавляет в себе, будучи увлечён земным» [Позов, 1975, с. 180]: «Земля и небо» («Нам небесное счастье темно; / Хоть счастье земное и меньше в сто раз, / Но мы знаем, какое оно...» (Лермонтов, 2014, с. 170)),

«К Деве Небесной» (*«Не для земли ты создана... / Ты превосходней, чем она, / Но так мила не можешь быть»*) (Лермонтов, 2014, с. 182)). Исследователь обращается к «Н. Ф... вой» как к стихотворению, в котором любовь предстает как слияние метафизического и земного (характерная черта творческого метода М.Ю. Лермонтова: «Демон», где встречаются земная Тамара и метафизический Демон, и др.): с одной стороны, «неясные мечты», с другой – социум и человеческие «буйные страсти» (*«Мои неясные мечты / Я выразить хотел стихами, / Чтобы, прочтя сии листы, / Меня бы примирила ты / С людьми и с буйными страстями»*). А. С. Позов именует это «метафизикой человеческого земного эроса» [Позов, 1975, с. 154].

К. Чул, обращаясь к предметному миру в лирическом и лиро-эпическом творчестве поэта, приходит к выводу, что у него «вещные детали не противоречат романтизму, а бытовая конкретика вполне возможна, органична» [Чул, 2004] (иными словами, вещественное тесно переплетается с метафизическим и не противопоставлено ему). Согласно ученому, в раннем творчестве Лермонтов-романтик уделял преимущественное внимание метафизическим категориям, а в позднем, в большей степени опираясь на каноны реализма, уже активно обращался и к реалиям вещественного мира (описывая социальную среду, быт и пр.). Исследователь выделяет детали вещественного мира, связанные с военной тематикой («Поле Бородина», «Бородино»), а обращаясь к вещественному началу в пейзажной лирике, замечает, что собственно «пейзажных» стихотворений у обозначенного поэта мало (большинство лирических произведений о природе связано не столько с обращением к описанию растительного мира (деревья и пр.), сколько с изображением мира человеческого (внутренний мир героя, окружающее его общество) – таким образом, реалии вещественного мира раскрываются М. Ю. Лермонтовым преимущественно через описание человека и социума. Так, в «Вечере после дождя» природа показана через следующие реалии: «прощальный луч», «ветерок, по саду пробежав», «вода дрожит» (Лермонтов, 2014, с. 189). Однако акцент перенесен на внутренний мир: настроение лирического героя вызвано созерцанием одинокого цветка, который прямо соотносится с одинокой девушкой: «Главу свою склонивши, он стоит, / Как девушка в печали роковой...» (Михаил Лермонтов, 2014, с. 189).

М.Ю. Лермонтов в своих произведениях следовал царившему в то время романтизму. В них отражены проблемы, образы, детали, характерные для данного художественного направления. Одной из черт романтизма является двоемирие – противопоставление мира реального миру идеальному. Первый представляет собой мир обычный, повседневный, неинтересный, крайне несовершенный; второй же связан с инобытием, внеземными категориями, романтическими идеалами (свободы, страсти). Данная особенность обуславливает, в частности, обращение М.Ю. Лермонтова к вещественным и метафизическим категориям, которые могут быть соотнесены с двумя мирами, представленными в произведениях эпохи романтизма: вещественное начало – мир реальный, а метафизическое – мир идеальный.

Тексты М.Ю. Лермонтова пронизаны реалиями вещественного плана. Писатель часто обращается к описанию продуктов питания и предметов кухонного обихода. Так, в драме «Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти)» представлены мебель, посуда, пища: стол, стул, чайник, самовар, стакан, бутылка, молоко, чай, курица, каша (Михаил Лермонтов, 1935, с. 125–182).

В лирическом и лироэпическом творчестве представлено разнообразное оружие (лермонтовский лирический герой – воин на поле боя и (или) тот, кто борется с собой, в ком назрело множество противоречий). В частности, богато представлено такое оружие, как кинжал: одноименное стихотворение; *«И в горах, в ночном бою, / На кинжал чеченца злого / Сложит голову свою ...»* (Лермонтов, 2014, с. 310) («Дары Терека»); *«Злой чечен ползёт на берег, / Точит свой кин-жал...»* (Лермонтов, 2014, с. 297) («Казачья

колыбельная песня»); *«Украсть, отнять – им всё равно; / Чихирь и мёд кинжалом просят...»*

(Михаил Лермонтов. «Измаил-Бей». 2014. С. 153).

Описывая военные действия, поэт предельно натуралистически изображает все ужасы убийства людей, упоминая оружие, пролитую кровь: *«Звучал булат, картечь визжала, Рука бойцов колоть устала, / И ядрам пролетать мешала / Гора кровавых тел»* (Михаил Лермонтов. «Бородино». 2014. С. 283); *«Безмолвно мы ряды сомкнули, / Гром грянул, завизжали пули, / Перекрестился я. / Мой пал товарищ, кровь лилася, / Душа от мщения тряслася, / И пуля смерти понеслася / Из моего ружья»* (Михаил Лермонтов. «Поле Бородина». 2014. С. 147).

М.Ю. Лермонтов описывает и одежду («синее полукафтанье с анненским крестом в петлице», «огромные сапоги» (Михаил Лермонтов. «Вадим». 2002. С. 5–125), предметы городского пространства (*«Там есть три улицы прямые, / И фонари, и мостовые, / Там два трактира есть... / Там есть еще четыре будки, / При них два будочника есть; / По форме отдают вам честь, / И смена им два раза в сутки»* (Михаил Лермонтов. «Тамбовская казначейша». 2014. С. 362).

Метафизический план произведений М.Ю. Лермонтова также представлен разнообразными реалиями. Он часто обращается к описанию пространства неба, например звезд: *«И месяц, и звезды, и тучи толпой / Внимали той песне святой»* (Михаил Лермонтов. «Ангел». 2014. С. 202); *«Я видал иногда, как ночная звезда / В зеркальном заливе блестит; / Как трепещет в струях, и серебряный прах / От нее рассыпаясь бежит»* (Михаил Лермонтов. «Еврейская мелодия». 2014. С. 89). Его лирический герой – философ, размышляющий о бытии, времени, любви, смерти, свободе: *«Вдруг предо мной в пространстве бесконечном / С великим шумом развернулась книга»* (Михаил Лермонтов. «Смерть». 2014. С. 150).

Любовь и религия тесно взаимосвязаны в лирике М.Ю. Лермонтова. Любовь сродни религиозному чувству любви к Богу, а возлюбленная становится объектом поклонения: *«Моя душа твой вечный храм; / Как божество, твой образ там»* (Михаил Лермонтов. «Как дух отчаянья и зла...». 2014. С. 215)). Домом для лирического героя становится Вселенная, он ощущает собственную бездомность в реальном мире: *«Мой дом везде, где есть небесный свод, / Где только слышны звуки песен, / До самых звезд он кровлей достигает, / И от одной стены к другой / Далекий путь, который измеряет / Жилец не взором, но душой»* (Михаил Лермонтов. «Мой дом». 2014. С. 148).

Писатель обращается и к образу Бога, осмысливая его в соотношении с природными образами (через созерцание природы лирический герой приобщается к божественному): *«Тогда смирятся души моей тревога, / Тогда расходятся морщины на челе, – / И счастье я могу постигнуть на земле, / И в небесах я вижу Бога...»* (Михаил Лермонтов. «Когда волнуется желтеющая нива...». 2014. С. 279), а также к образам ангелов, дьявола (одноименное стихотворение (Михаил Лермонтов. «Мой демон». 2014. С. 202).

Таким образом, герой М.Ю. Лермонтова живет в реальном повседневном мире: он окружен деталями городского ландшафта, носит повседневную одежду, находится на поле боя, нося в руках оружие. Однако одновременно он является частью метафизического мира, рассуждает о «высоком» – это герой-философ.

В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» (Михаил Лермонтов, 2014, с. 356–357) вещественное и метафизическое начала теснейшим образом взаимосвязаны. Лирический герой выходит на дорогу, которую можно метафорически рассматривать и как жизненный путь. Пустыня – это и реальное пространство земли, и особое место уединения, нахождение в котором позволяет погрузиться в самопознание и познание мира. Метафизическая сущность в стихотворении – Бог, которому «внемлет пустыня». Пустыня осмысливается как место общения с Богом: лишь находясь в безлюдном месте, в

полной тишине, будучи не окруженным предметами человеческого мира (вещами, сооружениями), человек способен погрузиться в особое состояние и тем самым приблизиться к божественной сущности.

Туман («Сквозь туман кремнистый путь блестит») может рассматриваться и как природное явление, и как невзгоды, встающие перед человеком, в то время как он идет по пути жизни. Кремний – и природный минерал, и нелегкая («твердая», но «хрупкая») жизнь. Лирический герой – обычный человек, но он погружен в философские размышления о жизни и смерти, любви, свободе.

Земля в стихотворении предстает как пространство «вещественное», небо – как пространство метафизическое, «вечное». Однако земля приобретает черты метафизического пространства: это не просто глина, или замерзшая поверхность, или грунт; она «спит в сиянье голубом». Романтический контраст реального и идеального представлен и в размышлениях героя о месте, где он хочет находиться: «холодный сон могилы» (могила – предельно прямое натуралистичное слово) его не устраивает, ему хочется смерти, которая будет наполнена жизнью, то есть загробный мир представляется лермонтовскому герою пространством не бездействия и тоски, а дыхания и силы. Противоречивость его размышлений состоит в том, что он хочет одновременно покоя и динамики (внутренний метафизический конфликт).

В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» противопоставлены мир природы, космоса и земной мир. Первый гармоничен, дарит умиротворение, в нем всё взаимосвязано друг с другом (отсутствует разобщение): *«Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу», «В небесах торжественно и чудно! / Спит земля в сияньи голубом...», «... Пустыня внемлет Богу, / И звезда с звездою говорит».* Земной же мир исполнен противоречий (лирический герой, находясь на земле, не нашел приюта, он разочарованный, усталый путник): *«Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть: / Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть!».*

В последнем стихе упоминается дуб: *«Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь мне сладкий голос пел, / Надо мной чтоб вечно зеленея / Темный дуб склонялся и шумел»* – лирический герой желает, чтобы дерево всегда, склонившись над ним, пребывающим в состоянии «вечного сна», рассказывало о любви. Дуб – это объект реального мира, который можно рассматривать и метафизически: как древо жизни (символ роста, динамичности, неувядания). Подчеркивается, что он вечный: так же вечна и жизнь, поскольку она продолжается после смерти.

От начала к концу стихотворения пространство постепенно то расширяется, то сужается: сначала упоминается лирический герой («я»), потом появляется природный мир (дорога, туман), далее – космическое пространство (бог, звезда, небо), затем происходит переход обратно к земному и к «я» (земля, «мне»), после – опять к метафизическому.

В природном мире, космосе царит гармония, а внутри героя – боль. Его «я» стремится из этой реальности выпасть – «забыться» от жизни с ее прошлым («и не жаль мне прошлого ничуть») и будущим («уж не жду от жизни ничего я»), от всего мироздания с его землей. Герой желает перенестись душой, мечтой, воображением в иные края, далекие от вещественного, земного, примитивного. Свобода и покой для него – это не «холодный сон могилы», а живое, волнующее, безмятежное состояние между жизнью и смертью – вечный сон.

Итак, в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» вещественное и метафизическое начала обогащают друг друга. Метафизическое начало как философский пласт произведения дополняет бытовое начало, представленное вещественными реалиями. Одни и те же образы, детали и символы в данном стихотворении можно рассматривать и как вещественные, и как метафизические.

М.Ю. Лермонтов обращается в своем творчестве как к вещественному, так и к метафизическому началам. Вещественное начало представлено реалиями быта, предметами интерьера, одеждой – деталями повседневной жизни. Метафизическое же начало раскрывается посредством образа Бога, размышлений лирического героя о жизни и смерти, божественном, «высоких» чувствах. Бытовой и философский пласты образуют художественную ткань романтического произведения, предполагающего изображение мира реального («вещественного») и ирреального («метафизического»), противопоставляющихся в романтизме.

Образы и детали в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» можно рассмотреть как с вещественной, так и с метафизической точек зрения, причем вещественное и метафизическое в произведении сопряжены: метафизическое позволяет раскрыть в описанном бытовом (деталих реального мира) иные идеи, представленные в виде символов и метафор. Лирический герой предстает путником, уставшим не столько от дороги (земля – вещественное пространство), сколько от жизни (дорога – метафора жизненного пути) с ее невзгодами (кремний – это и камень, и трудности жизни). Как метафизические реалии предстают образ Бога, звёзды, пространство пустыни (реальная местность и одновременно состояние одинокой души героя), в котором он может найти очищение после пребывания в мире земном. Поиск гармонии в космическом мире природы – вот к чему стремится простой смертный человек, представитель «земного» мира, размышляющий о «высоком», метафизическом.

Итак, в произведениях М. Ю. Лермонтова наблюдается не просто сосуществование, а сопряжение философского и бытового. Вещественное не осмысливается поэтом негативно (как традиционно у романтиков) – оно не обыденное и примитивное, а вписывается в романтическую образность (к примеру, дуб, звёзды как символические образы). А за земным как частным, временным проступает второй, метафизический, слой.

Библиографический список

Андреевский С.А. Лермонтов: Характеристика: Чтение 16 дек. 1889 г. СПб.: типография А.С. Суворина, 1890.

Виноградов В. Стиль прозы Лермонтова. М., 1941.

Исупов К.Г. Метафизика Лермонтова // Acta eruditorum. 2013. № 12.

Косяков Г.В. Религиозный идеал духовной жизни в лирике М.Ю. Лермонтова (1837–1841) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 3 (29).

Позов А.С. Метафизика Лермонтова. Мадрид, 1975.

Пугачев О.С. Поэтическая метафизика М.Ю. Лермонтова // Проблемы современного образования. 2020. № 2.

Чул К. Предметно-пространственное изображение в лирике и поэмах М.Ю. Лермонтова. Дис. ... канд. филол. н. М, 2004. URL: <https://www.dissercat.com/content/predmetno-prostranstvennoe-izobrazhenie-v-lirike-i-poemakh-myu-lermontova>

Источники

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: Т. 1. Стихотворения / отв. ред. тома Н. Г. Охотин. СПб: Издательство Пушкинского Дома, 2014.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: Т. 2. Поэмы / отв. ред. тома Ю. М. Прозоров. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: Т. 4. Драмы и трагедии / отв. ред. тома Б. М. Эйхенбаумю М.-СПб: Academia, 1935.

Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. Проза. М.: Воскресенье, 2002.

Раздел 4. Список публикаций кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка за 2022 гг.

**Десятов
Вячеслав
Владимирович**

**Гребнева
Марина
Павловна**

**Ковалев Олег
Александрович**

**Киба Олег
Александрович**

**Московкина
Евгения
Александровна**

**Романова
Екатерина
Геннадьевна**

**Трубникова Юлия
Витольдовна**

**Чернышова
Татьяна
Владимировна**

а) Преподаватели:

Монографии

1. Гребнева М.П. Образ Алтая в русской литературе начала XX века: монография. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2022. ISBN 978-5-7904-2625-4.

Научные статьи, материалы

2. Гребнева М.П. О роли скрытых эквивалентов текста в редакциях поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» // Филология и человек. 2021. С. 148–157. № 4. URL: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)4](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)4)
3. Гребнева М.П. Виды эквивалентов текста в редакциях поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» // Культура и текст. 2022. С. 68–73. № 1. URL: <https://journal-altspu.ru/kultura-i-tekst-2022-1-48>

4. Десятов В.В., Карпухина В.Н. Speech and Context Journal of Linguistics, Semiotics and Literary Science. 2022. Vol. 1(XIV). URL: https://usarb.md/limbaj_context/vol/vol12022.html
5. Ковалев О.А. Поздний автофикшн Г.Д. Гребенщикова: нарративные стратегии в повести «Егоркина жизнь» // Филология и человек. 2022. С. 142-150. №3.
6. Московкина Е.А. Экфрасис в рассказах В.М. Шукшина 1960-х гг. // Культура в фокусе научных парадигм. 2022. С. 233–239. № 14–15.
7. Московкина Е.А. Экфрасис в рассказе В. М. Шукшина «Пьедестал» // Филология и человек: научный журнал. 2022. №3. С. 93-107. DOI: [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)3-07](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)3-07). URL: <http://journal.asu.ru/pm/article/view/10954>
8. Московкина Е.А. Гендерный конфликт в поэтике В. М. Шукшина // Культура, искусство и современное образование: традиции, опыт и инновации: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 25 марта 2022 г. / редкол.: Л. М. Тюренкова (гл. ред.) [и др.]; Алт. гос. ин-т культуры. Барнаул: Изд-во АГИК, 2022. 263 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48487187>
9. Московкина Е.А. «Все они опутаны всерьёз какой-то общей нервной системой»: автор и герой в поэтике В.М. Шукшина // Диалог искусств и арт-парадигм. Статьи. Очерки. Материалы. Т. 40: по материалам IX Международного научного форума «Диалог искусств и арт-парадигм» «SCIENCEFORUM PAN-ART IX». 22 февраля 2022 года. Редакторы-составители А.И. Демченко, Н.А. Хренов. Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2022. С. 100–108. URL: <http://sarcons.ru/image/tskkhi/%D0%BC%D0%B0%D0%BA%D0%B5%D1%82%20%D1%82%D0%BE%D0%BC%2040.pdf>
10. Московкина Е.А. «Вянет, пропадает» В.М. Шукшина и «Разговор» И.П. Попова: интермедийность и интертекстуальность // Культура и текст. 2022. С. 99–115. № 4 (51). URL: <https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2022/12/99-115>
11. Романова Е.Г., Зуев И.Н. Методический потенциал наследия Георгия Гребенщикова и его роль в процессе ресоциализации лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, средствами культуры и искусства (на материале очерка «Из преданий о русской земле») // Ученые записки. Алтайская государственная академия). 2022. С. 71–77. №2. URL: [10.32340/2414-9101-2022-71-77](https://elibrary.ru/item.asp?id=48487187)
12. Трубникова Ю.В. Русская терминология родства: проблема владения в зеркале перевода // Банзаровские чтения: материалы международной научной конференции – БГУ: в 2 ч. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2022. С. 348–350.
13. Чернышова Т.В. Спорный медиатекст: коммуникативная удача /неудача или речевое правонарушение? Медиалингвистика: Материалы VI международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня–02 2022 года / науч. редактор Л.Р. Дускаева, отв. редактор А.А. Малышев. СПб.: ООО "Медиапапир", 2022. 790 с. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49028185_46011483.pdf.
14. Чернышова Т.В. Discrediting bullying in online dialogues (on the material of linguo expert practice) // Медиалингвистика. Т.9. №3. С. 170–189. 2022. DOI:

10.21638/spbu22.2022.301.

(SCOPUS).

URL:

<https://medialing.ru/diskreditiruyushchij-bulling-v-polilogah-setevogo-obshcheniya-na-materiale-lingvoehkspertnoj-praktiki/>

15. Чернышова Т.В. Пятые Воробьевские чтения: филологи подвели итоги всероссийского научно-практического семинара, посвященного памяти профессора Иды Александровны Воробьевой // Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании : материалы научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка «Воробьевские чтения – 2021»: сборник научных статей / Алтайский государственный университет ; под ред. Т. В. Чернышовой. Барнаул: АлтГУ. Вып. 3. 2022. 1 CD-R (3 Мб). № гос. регистрации 0322203401. Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более; 512 Мб (RAM); Microsoft Windows 7 и выше; Adobe Reader. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. URI: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/12735>. URI: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/12735>

б) Студенты:

1. Беликов С.В. (Науч. рук. д. филол. н., профессор Т.В. Чернышова). О некоторых методических приемах обучения РКИ китайских студентов начального уровня (A1,A2): чтение и письмо // Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании: материалы научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка «Воробьевские чтения – 2021» : сборник научных статей / Алтайский государственный университет ; под ред. Т. В. Чернышовой. Барнаул: АлтГУ. Вып. 3. 2022. 1 CD-R (3 Мб). № гос. регистрации 0322203401. Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более; 512 Мб (RAM); Microsoft Windows 7 и выше; Adobe Reader. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. URI: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/12735>
2. Краснова О.Н. (Науч. рук. д. филол. н., профессор М.П. Гребнева). Ключевое слово «ах» в аспекте проявления подтекстовой информации о глубинных художественно-психологических свойствах образа повествователя в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. С. 307–310. URI: [https://dep_rya_i_mprya.pnzgu.ru/files/dep_rya_i_mprya.pnzgu.ru/yazykovaya_politika_2022\(1\).pdf](https://dep_rya_i_mprya.pnzgu.ru/files/dep_rya_i_mprya.pnzgu.ru/yazykovaya_politika_2022(1).pdf)
3. Краснова О.Н. (Науч. рук. д. филол. н., профессор М.П. Гребнева). Деформация как приём выявления подтекстовой информации о глубинных художественно-психологических свойствах образа повествователя в «Бедной Лизе» Н.М. Карамзина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2022. С. 23–25. № 3. URI: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=49494474>
4. Краснова О.Н. (Науч. рук. д. филол. н., профессор М.П. Гребнева). Репрезентативные системы как способ раскрытия глубинных художественно-

- психологических свойств повествователя «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина // За нами будущее: взгляд молодых учёных на инновационное развитие общества: Сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференции (3 июня 2022 года): в 3-х тт. Т. 2. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т., 2022. С. 68–74.
5. Краснова О.Н. (Науч. рук. д. филол. н., профессор М.П. Гребнева). Роль текстовых позиций «экзистенциальной наполненности» в раскрытии глубинных художественно-психологических характеристик образа повествователя «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина // Филология и человек. №4. 2022. С.169-179. DOI 10.14258/filichel(2022)4–12. URL: <http://journal.asu.ru/plugins/generic/pdfsView>.
 6. Ласкина Д.И. (Науч. рук. д. филол. н., профессор Т.В. Чернышова). Речевая агрессия как катализатор формирования социокультурной оппозиции «свой –чужой» (на материале текстов религиозной направленности) // Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании: материалы научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка «Воробьевские чтения – 2021» : сборник научных статей / Алтайский государственный университет ; под ред. Т. В. Чернышовой. Барнаул: АлтГУ. Вып. 3. 2022. 1 CD-R (3 Мб). – № гос. регистрации 0322203401. Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более; 512 Мб (RAM); Microsoft Windows 7 и выше; Adobe Reader. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/12735>
 7. Лаюрова Д.И. (Науч. рук. д. филол. н., профессор Т.В. Чернышова). Традиционная пища в алтайских сказках // Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании: материалы научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка «Воробьевские чтения – 2021»: сборник научных статей / Алтайский государственный университет ; под ред. Т. В. Чернышовой. Барнаул: АлтГУ. Вып. 3. 2022. 1 CD-R (3 Мб). № гос. регистрации 0322203401. Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более; 512 Мб (RAM); Microsoft Windows 7 и выше; Adobe Reader. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/12735>
 8. Лебаева А.А. (Науч. рук. к. филол. н. Доронина С.В.). Дискурсивные стратегии как аспект описания речевого портрета личности // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы IX региональной молодежной конференции «Мой выбор – НАУКА!» XLIX научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Вып. 19. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 177–179.
 9. Лебедева Е.В. (Науч. рук. д. филол. н., профессор Т.В. Чернышова). Имидж персонажа как метод построения нарративной структуры телевизионного реалити-шоу // Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании: материалы научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка «Воробьевские чтения – 2021» : сборник научных статей / Алтайский государственный университет; под ред. Т.В. Чернышовой. Барнаул: АлтГУ. Вып. 3. 2022. 1 CD-R (3 Мб). № гос. регистрации 0322203401. Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более; 512

- Мб (RAM); Microsoft Windows 7 и выше; Adobe Reader. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. URI: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/12735>
10. Трущелева О.А. (Науч. рук. к. филол. н., доцент О.А. Ковалев). «Звезда Соломона» как претекст «Сказки» Набокова // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: материалы IX региональной молодежной конференции «Мой выбор – НАУКА!», лицейных классов. Вып. 19. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 179-181.
 11. Чернышова Д.М. (Науч. рук. к. филол. н., доцент О.А. Ковалев). К вопросу об источниках образа Воланда в романе Булгакова (Воланд и Сталин) // Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании: материалы научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка «Воробьевские чтения – 2021»: сборник научных статей / Алтайский государственный университет ; под ред. Т.В. Чернышовой. Барнаул: АлтГУ. Вып. 3. 2022. 1 CD-R (3 Мб). № гос. регистрации 0322203401. Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более; 512 Мб (RAM); Microsoft Windows 7 и выше; Adobe Reader. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. URI: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/12735>
 12. Чжао Цзин. (Науч. рук. д. филол. н., профессор Т.В. Чернышова). Совместные образовательные программы Китая и России: опыт Вэйхайского профессионального колледжа // Филология – XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании: материалы научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка «Воробьевские чтения – 2021» : сборник научных статей / Алтайский государственный университет; под ред. Т.В. Чернышовой. Барнаул: АлтГУ. Вып. 3. 2022. 1 CD-R (3 Мб). № гос. регистрации 0322203401. Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более; 512 Мб (RAM); Microsoft Windows 7 и выше; Adobe Reader. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. URI: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/12735>
 13. Яровая А.С. (Науч. рук. к. филол. н., доцент О.А. Ковалев). Педагогический дискурс в творчестве Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // Л.Н. Толстой в сознании человека цифровой эпохи: материалы XXXVIII Международных Толстовских чтений, посвященных 194-летию со дня рождения писателя / под ред. проф. Д.А. Романова. Электрон. дан. Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого, 2022. С. 136–139.
 14. Яровая А.С. (Науч. рук. к. филол. н., доцент О.А. Ковалев). Рассказ «Маленький герой» Ф.М. Достоевского как авторский инвариант репрезентации педагогических идей // Путь к Достоевскому в региональном социокультурном пространстве: коллективная монография / О.Б. Афанасенко, О.Н. Владимиров, В.Г. Ингольд и др.] / под ред. И.А. Пушкаревой, В.В. Трубицыной; М-во образования и науки РФ, Кузбасский гуманитарно-педагогический ин-т Кемеров. гос. ун-та; Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского (Новокузнецк). Новокузнецк: КГПИ КемГУ; Красноярск: ПК Sitall, 2022. С. 291-300.

Составитель Т.В. Чернышова